PG
3337
.K23R3

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class

Book

YUDIN COLLECTION

GPO

Kandaurov, V . A

РАЗУМНЫЕ и БЕЗУМНЫЕ

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

В. А. Кандаурова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ Типографіи А. М. Котомина. У Обухов. м. № 93.
1873

PG3337
.K23R3

Дѣйствіе происходитъ въ наше время: первыя 4 въ С.-Петербургѣ, 5-е въ одномъ изъ приволжскихъ селъ; между 4-мъ и 5-мъ дѣйствіями проходитъ 3 года.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ИППОЛИТУ ИВАНОВИЧУ МОНАХОВУ.

ДѢЙСТВІЕ I.

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЖИЗНЬ.

Лица:

Павелъ Александровичъ Строевъ, 30 лѣтъ, безъ опредѣленныхъ занятій.

Ольга Васильевна, его жена, 26 лѣтъ, акушерка.

Марья Петровна Розанова, молодая дѣвушка, домашняя учительница.

Петръ Алексѣевичъ Бобылевъ, старикъ изъ бывшихъ откупщиковъ, дальній родственникъ Строевыхъ.

Анна Анисимовна, его жена, лѣтъ подъ 40, еще не потерявшая претензіи нравиться.

Петръ Петровичъ, ихъ сынъ, пустоголовый юноша — идолъ своихъ родителей.

Поликарпъ Ивановичъ, **Стеша**, } въ услуженіи у Строевыхъ.

Комната съ довольно богатой обстановкой; по срединѣ и по бокамъ—двери, каминъ затопленъ, жардиньерки съ цвѣтами, круглый столъ, на немъ зажженная лампа и разбросанные журналы и газеты, съ правой стороны, на первомъ планѣ, швейная машина, съ лѣвой—кушетка.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТРОЕВЪ и СТРОЕВА.

СТРОЕВЪ (въ модномъ пиджакѣ, бриліантовый перстень на рукѣ; развалившись съ ногами на кушеткѣ, куритъ сигару, изрѣдка потягивается и зѣваетъ).

Не надоѣстъ тебѣ, Оля, постоянно сидѣть за работой? Послѣ добраго обѣда хорошо и отдохнуть, а ты сидишь нагнувшись

за швейной машиной, не бережешь ни здоровья, ни своихъ хорошенькихъ глазокъ.

СТРОЕВА (продолжая работать).

Работаю, чтобы не облѣниться; меня страшитъ мысль, что могу привыкнуть ничего не дѣлать. За меня не бойся: занятія при средствахъ къ жизни не убиваютъ; напротивъ, они очень полезны, вотъ трудъ тяжелъ изъ-за куска насущнаго хлѣба.

СТРОЕВЪ.

Пожалуй, ты права. А хорошо быть богатымъ! Если бы почтенной тетушкѣ не вздумалась совершенно неожиданно оставить мнѣ состояніе, то по прежнему перебивались бы мы изо дня въ день. Какъ подумаешь, какъ мы теперь живемъ, то даже страшно и вспомнить о прошломъ.

СТРОЕВА.

А мнѣ, напротивъ, страшно за будущее. Мнѣ кажется...

СТРОЕВЪ.

Что же тебя пугаетъ?

СТРОЕВА.

Нѣтъ, Поль.... ничего. Ты знаешь, я такая странная... трусиха.

СТРОЕВЪ.

Трусиха! ха, ха, ха! Хороша трусиха, которая прожила съ мужемъ въ бѣдности цѣлыхъ восемь лѣтъ и ни разу не упала духомъ. Въ тебѣ много характера, Оля. Натерпѣлись мы довольно, надо и отдохнуть, воспользоваться нашею молодостью и пожить въ свое удовольствіе *(звонитъ, входитъ слуга)*. Бутылку редерера, да со льдомъ. *(Слуга уходитъ и вскорѣ возвращается съ шампанскимъ)*. Ахъ, да, я и забылъ тебѣ сказать, Оля; мы приглашены къ князю Булатову, у него се-

годня балъ. Пошли, мой другъ, за парикмахеромъ, а то твои самодѣльные локоны вѣчно распустятся.

СТРОЕВА.

Я не расположена сегодня выѣзжать изъ дому.

СТРОЕВЪ (съ неудовольствіемъ).

Что за странность? Неужели же повсюду я долженъ ѣздить одинъ?

СТРОЕВА.

Ты знаешь, что я съ минуты на минуту ожидаю, что за мною пришлютъ отъ Петровыхъ.

СТРОЕВЪ.

Ну, чтожъ за бѣда, развѣ ты нуждаешься теперь въ практикѣ: не застанутъ тебя дома,—пригласятъ другую.

СТРОЕВА (удивленно взглядывая на мужа).

Въ практикѣ, конечно, я не нуждаюсь. Петровы люди бѣдные и я ничего съ нихъ не возьму, но тѣмъ болѣе мнѣ будетъ непріятно, если, изъ пустого приличія поѣхать на балъ къ Булатовымъ, гдѣ кромѣ скуки ничего для себя не встрѣчу, я поставлю, легко можетъ быть, Петровыхъ въ необходимость потратиться; кромѣ того и Миша не совсѣмъ здоровъ: я не желала бы его оставить. Да и какое веселье на балѣ, когда знаешь что ребенокъ боленъ.

СТРОЕВЪ.

Это упрекъ мнѣ?

СТРОЕВА.

О, нѣтъ, отчего же тебѣ и не поѣхать: вѣдь все равно я буду съ Мишей.

СТРОЕВЪ (нѣжно глядя на жену).

Оля...

СТРОЕВА (не отрываясь отъ работы).

Что, мой другъ?

СТРОЕВЪ.

Славная ты женщина и такая хорошенькая.

СТРОЕВА.

Что ты, Поль, сегодня особенно нѣжно настроенъ?

СТРОЕВЪ (пристально, съ любовью смотритъ на жену).

Счастливый я человѣкъ! И за что судьба послала мнѣ такую хорошенькую жену. Оля, брось работу, подойди ко мнѣ, сядь вотъ здѣсь *(указываетъ на кушетку)*.

СТРОЕВА (переходитъ сцену и усаживается возлѣ мужа на скамеечкѣ).

Вотъ я и возлѣ тебя, милый мой! *(беретъ его руку, гладитъ ее, пристально смотритъ на мужа и задумывается)*.

СТРОЕВЪ (нѣжно).

Улыбнись же мнѣ, Оля! (*Строева улыбается, стараясь скрыть навертывающіяся на глазахъ слезы; Строевъ прижимаетъ ея голову къ своей груди, цѣлуетъ въ лобъ и гладитъ ея волосы)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

ПАЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Г-нъ Бобылевъ пришелъ къ вамъ, Павелъ Александровичъ, въ кабинетъ; говоритъ, доложи: дѣло есть.

СТРОЕВЪ (цѣлуетъ жену; слугѣ).

Отнеси вино въ кабинетъ *(уходитъ въ боковую дверь на-*

право, Поликарпъ Ивановичъ уноситъ за нимъ шампанское и потомъ возвращается).

СТРОЕВА (нѣкоторое время сидитъ задумавшись на скамеечкѣ, потомъ, вздохнувъ, переходитъ къ столу и раскрываетъ первую попавшуюся на глаза книгу; Поликарпъ Ивановичъ стоитъ у камина и переворачиваетъ уголья, отъ времени до времени поглядывая на Строеву; потомъ, покачавъ какъ бы съ сожалѣньемъ головой, уходитъ. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, отстраняя книгу).

Ничего въ голову нейдетъ. Неужели потеряно прежнее счастье? Неужели онъ такой безхарактерный, что богатство измѣнитъ его: сдѣлаетъ его лѝнтяемъ, неспособнымъ ни на что дѣльное, полезное? Хорошій примѣръ для нашего сына! Тяжело подумать объ этомъ. Долго такъ не можетъ продолжаться. *(Ходитъ по комнатѣ).* Я должна съ нимъ объясниться, я должна высказать ему всю пустоту нашей жизни. Вотъ уже полгода, какъ онъ ничего порядочнаго не читаетъ, зѣвая перелистываетъ газеты, бросается въ спекуляціи, ночи просиживаетъ за картами въ клубахъ и у знакомыхъ, которые не хотѣли знать насъ прежде, когда мы были бѣдны, а теперь льнутъ къ намъ, какъ мухи къ сахару. И что за личности? Удивляюсь, какое можно находить удовольствіе съ ними. Этотъ хитрый старикашка Бобылевъ, съ своей увядающею, но еще молодящеюся подругой и съ ихъ глупымъ идоломъ Петрушей, эта пустѣйшая кокетка Новаковская, фразеръ Карагодинъ и другіе нагоняютъ на меня невыносимою тоску; я рѣшительно не въ состояніи, не могу переносить ихъ присутствія, а между тѣмъ должна быть знакома съ ними, видѣть ихъ, говорить о всякомъ вздорѣ. Какъ это гадко! *(ходитъ въ волненіи по комнатѣ).* Трудно было бороться съ нуждою, но все-таки на душѣ было легче: въ то время

я уважала мужа, а теперь... да, быть можетъ, скоро я перестану уважать его и тогда... прощай любовь... прощай дружба...

ЯВЛЕНІЕ III.

СТРОЕВА и РОЗАНОВА (въ простенькомъ черномъ платьѣ).

РОЗАНОВА.

Здравствуй, душечка Оля.

СТРОЕВА.

А, это ты, Маша! Здравствуй. Какъ я рада, что ты пришла (*крѣпко жметъ ей руку*).

РОЗАНОВА (смотритъ на Строеву).

Что это ты какъ будто разстроена? Ужъ не случилось ли у васъ чего-нибудь не хорошаго?

СТРОЕВА (стараясь скрыть волненіе).

Ничего, мой другъ; садись вотъ сюда (*усаживаетъ Розанову на кушетку*). Что, какъ твои дѣла?

РУЗАНОВА (весело).

Ничего, хорошо (*опять пристально смотритъ на Строеву*). Нѣтъ, Оля, ты чѣмъ-то разстроена и не хочешь сказать мнѣ.... и не стыдно тебѣ? Впрочемъ, ты всегда была скрытная.

СТРОЕВА.

Такъ, пустяки... послѣ узнаешь. Разсказывай-ка ты лучше: отчего ты такъ долго не была у насъ?

РОЗАНОВА.

Все хлопотала о мѣстѣ.

СТРОЕВА.

И нашла?

РОЗАНОВА.

Да, благодаря Крестникову. Бѣгалъ, бѣдный, какъ угорѣлый, по Петербургу, и наконецъ, дня четыре тому назадъ, устроилъ меня конторщикомъ въ одной читальнѣ: все же лучше, чѣмъ быть гувернанткой. Какъ я рада, что вырвалась отъ Бобылевыхъ: просто мученье было возиться съ ихъ избалованной дочерью: ее еще можно было бы переработать, да при дражайшихъ родителяхъ ничего не подѣлаешь, а тутъ еще милый Петруша вздумалъ воспылать ко мнѣ страстію: каково это тебѣ покажется? *(смѣется)*.

СТРОЕВА (улыбается).

Воображаю, какъ это было для тебя пріятно. Что же Крестникова не видать у насъ?—три недѣли какъ въ Петербургѣ, и глазъ къ намъ не кажетъ.

РОЗАНОВА.

Да развѣ ты его не знаешь? Для него войти въ такую гостинную, какъ ваша, все равно, что бутылку уксусу выпить. Да, я тебѣ еще не сказала: я опять стала заниматься стенографіей.

СТРОЕВА.

И дѣлаешь успѣхи?

РОЗАНОВА.

Не очень большіе, но все-таки нѣсколько научилась. Хочешь проэкзаменовать?

СТРОЕВА.

Изволь.

РОЗАНОВА (вынимаетъ изъ кармана тетрадь и изъ записной своей книжки карандашъ).

Бери книгу и диктуй *(обѣ садятся къ столу)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и БОБЫЛЕВА СЪ СЫНОМЪ (одѣты по послѣдней модѣ).

БОБЫЛЕВА.

Bonjour, ma petite *(подаетъ руку Строевой; замѣтивъ Розанову, дѣлаетъ гримасу):* M-lle Rosanoff.

СТРРОЕВА (довольно сухо).

Здравствуйте *(указываетъ на кресло; Розанова кланяется).*

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (раскланиваясь).

Мы помѣшали вашимъ занятіямъ?

БОБЫЛЕВА (заглядывая въ тетрадь Розановой).

А, стенографія *(Розанова прячетъ тетрадь).* Какъ это мило, современно! Какъ пріятно видѣть, когда женщина трудится. О, намъ необходимо работать, необходимо наконецъ завоевать свою самостоятельность.... пора уже не быть куклами.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (Розановой).

Я сейчасъ только прочелъ письмо Милля къ русскимъ женщинамъ.. Вы, конечно, тоже читали?

БОБЫЛЕВА (охорашиваясь).

Странный вопросъ, Pièrre. Кто же могъ прочитать его: оно еще не напечатано въ газетахъ; намъ эту новость сообщилъ секретарь французскаго посольства. Ахъ, какъ прелестно написано, чудо! читая это письмо, невольно радуешься за насъ, русскихъ женщинъ, невольно гордишься нашимъ прогрессомъ. Давно ли мы такъ невысоко стояли въ мнѣніи иностранцевъ, а теперь Милль, даже самъ Милль считаетъ насъ передовыми.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (торжественно).

Воображаю, какъ это посланіе великаго современнаго мыслителя поразитъ нашихъ ретроградовъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и СТЕША.

СТЕША (Строевой).

Миша проснулся, Ольга Васильевна.

СТРОЕВА.

Сейчасъ *(Стеша уходитъ; Бобылевой)* Извините.

БОБЫЛЕВА.

Я пойду тоже взглянуть, ma petite, на вашего купидона *(приподнимается съ кресла)*.

СТРОЕВА.

Миша нездоровъ, докторъ совѣтывалъ для него бо́льшее спокойствіе.

БОБЫЛЕВА.

О, если докторъ требуетъ... то конечно.... *(съ неудовольствіемъ опять усаживается въ кресло)*.

РОЗАНОВА (останавливая Строеву; съ безпокойствомъ).

Опасно боленъ Миша?

СТРОЕВА.

Нѣтъ; лихорадочное состояніе *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ безъ СТРОЕВОЙ.

(Розанова садится за швейную машину и шьетъ, нѣкоторое время молчаніе, въ продолженіи котораго Бобылева перелистываетъ лежащія на столѣ иллюстрированныя газеты, смотрится въ зеркало и поправляетъ рукавчики и ленты у своей шляпки; Петръ Петровичъ посматриваетъ на Розанову и что-то шепчетъ матери, указывая на нее, Бобылева грозитъ ему, улыбаясь).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (подходя къ Розановой и присматриваясь къ ея шитью).

Что за полезное изобрѣтеніе. Женщины должны поставить

памятникъ изобрѣтателю швейной машины. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: если бы полвѣка тому назадъ появились швейныя машины, то Томасъ Гудъ не написалъ бы своей прелестной «пѣсни о рубашкѣ» (*декламируетъ съ фальшивымъ паѳосомъ*):

«Усталые пальцы болятъ, затекли,
«Смѣжаются вѣки дремотой;
«А женщина въ рубищѣ жалкомъ сидитъ,
«Сидитъ за тяжелой работой.
«Шей, шей, шей!...»

Какая потрясающая сцена, а теперь какъ легко.

БОБЫЛЕВА.

И какъ можно много заработать.

РОЗАНОВА (улыбаясь).

Даже черезъ-чуръ много.

БОБЫЛЕВА.

Теперь трудъ вознаграждается хорошо, а если и встрѣчаешь бѣдность, то она происходитъ или отъ лѣни, или отъ безнравственности.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не дѣлайте, maman, такихъ рѣзкихъ приговоровъ; вотъ тутъ-то и нужна филантропія. Хотя современная наука и отвергаетъ ее, но я нахожу, что филантропія должна быть присуща каждому развитому человѣку, что она необходима обществу.

БОБЫЛЕВА (сладко смотря на сына)

Я съ тобой не спорю, mon ange, вѣдь ты извѣстный прогрессистъ. (*Розановой*) А вы, ma chère, теперь къ кому нанялись?

РОЗАНОВА (слегка покраснѣвъ, но спокойно).

Я служу въ читальнѣ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (переконфузившись, тихо матери).

Что это у васъ, maman, за выраженія: нанялись! Какъ будто она какая-нибудь работница; мнѣ, право, совѣстно за васъ.

БОБЫЛЕВА (почти громко).

Пожалуйста, не краснѣй за мать: она знаетъ приличія и хорошо помнитъ, какъ и съ кѣмъ должно говорить. (*Розановой*) C'est à dire въ библіотекѣ для чтенія? И много вамъ платятъ?

РОЗАНОВА.

Да, довольно, чтобы быть сытою.

БОБЫЛЕВА.

Но сколько же?

РОЗАНОВА.

Не меньше того, что я получала у васъ гувернанткой.

БОБЫЛЕВА (двусмысленно улыбаясь).

Конечно, много молодежи посѣщаютъ библіотеку?

РОЗАНОВА.

Встрѣчаются, какъ и вездѣ: пожилые и молодые, дураки и умные.

БОБЫЛЕВА (въ сторону).

Дерзкая дѣвчонка!

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ахъ, maman, maman, зачѣмъ же принимать на свой счетъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ БОБЫЛЕВЪ и СТРОЕВЪ.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ (входя, говоритъ Строеву).

Упроси жену, чтобы ѣхала: ею очень интересуются князь и княгиня.

СТРОЕВЪ.

Постараюсь.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ

А, и мои здѣсь.

СТРОЕВЪ.

Bonjour *(пожимаетъ руку Бобылевой, Розановой и Петру Петровичу; Бобылевъ-отецъ раскланивается съ Розановой).*

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ (женѣ).

Поздравь наше общество съ новымъ членомъ: Павелъ Александровичъ взялъ двадцать паевъ на себя и десять на жену.

БОБЫЛЕВА и ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Поздравляемъ, поздравляемъ.

РОЗАНОВА (Строеву).

Вы взяли на тридцать тысячь акцій?

СТРОЕВЪ.

Да.

РУЗАНОВЪ.

Значитъ вы убѣждены въ честности предпріятія?

СТРОЕЪ (сконфуженно).

Да.... я разсмотрѣлъ дѣло со всѣхъ возможныхъ сторонъ и нахожу, что риску нѣтъ.

РОЗАНОВА (иронически).

Главное, чтобы риску не было, да побольше барышей и барышей.

БОБЫЛЕВА.

Напрасно думаете, m-lle Rosanoff, что мы позволимъ въ свою пользу эксплуатировать ближняго: наше пред-

пріятіе солидное, основанное, хотя не на новыхъ, но тѣмъ не менѣе на разумныхъ и гуманныхъ началахъ.

РОЗАНОВА (рѣзко).

Ваше общество—та же спекуляція.

БОБЫЛЕВА (вспыхнувъ).

Неправда. Вы понимаете, что оскорбляете насъ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (суетясь и стараясь успокоить мать).

Позвольте, maman, позвольте, я объясню Марьѣ Петровнѣ, она не знаетъ нашей основной мысли, не знаетъ тѣхъ принциповъ, которыми мы руководились. *(Розановой)* Открывая общество, мы имѣли цѣлью предоставить возможность хорошаго заработка бѣдному классу, разсчитывали, что увеличеніе заработной платы улучшитъ экономическій его бытъ; послѣдствіемъ же матеріальнаго довольства будетъ развитіе образованія, а образованіе.... образованіе.... *(въ сторону)* что я хотѣлъ сказать? *(вспомнивъ; скоро)* Да, образованіе возвыситъ средній уровень нравственности. Съ этимъ вы, конечно, не будете спорить Марья Петровна?

РОЗАНОВА (улыбаясь).

Я никогда съ вами не спорю *(немного подумавъ, отводитъ Строева въ сторону)*. Не такъ давно, Павелъ Александровичъ, вы желали сдѣлать что-нибудь хорошее, полезное; вамъ было тяжело, что бѣдность не позволяла осуществить завѣтную мечту, теперь вы могли бы сдѣлать многое, и что же? вы поступаете въ компанію, учредителемъ которой—Бобылевъ.

СТРОЕВЪ.

Марья Петровна, я никого не прошу вмѣшиваться въ мои

дѣла *(Бобылевы разговариваютъ тихо, поглядывая на Розанову).*

БОБЫЛЕВА (мужу).

Какъ носъ подняла! а давно ли пришла къ намъ такою невинностью: — воды не замутитъ. Я наконецъ начинаю терять вѣру въ прогрессъ; впрочемъ исключенія можно встрѣтить вездѣ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не будьте такъ строги, maman, не будьте такъ строги: ошибаться весьма естественно.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ (Строеву).

Къ чему ты такъ кипятишься? Видишь, она заряжена разными современными бреднями, ну и пускай ее попалитъ: заряды скоро поистратятся — сама замолчитъ (*смотритъ на часы*). Однако мнѣ пора. До свиданія. Душевно радуюсь за тебя, что ты наконецъ надумался поступить въ члены нашего общества (*вглядываясь въ лицо Строева, какъ бы шутя*). Впрочемъ можетъ быть еще и раздумаешь, можетъ быть... жена... (*замѣтивъ движеніе Строева*). Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь я шучу. Развѣ ты не мужъ, не воленъ дѣлать дѣло, когда захочешь. Тащи непремѣнно ее на балъ къ Булатовымъ *(пожимаетъ ему руку).*

СТРОЕВЪ.

Хорошо.

БОБЫЛЕВА.

До свиданья, Павелъ Александровичъ; пожалуйста передайте милѣйшей Ольгѣ Васильевнѣ мое извиненіе, что я чуть было не побезпокоила своимъ присутствіемъ вашего купидона *(уходитъ съ мужемъ, не прощаясь съ Розановой).*

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не сердитесь на maman, Марья Петровна, сдѣлайте одолженіе, не сердитесь *(нѣжно)*. Я васъ умоляю...

РОЗАНОВА.

Прощайте.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (уходя, Строеву, указывая на Розанову).

Какая хорошенькая, и при томъ съ огонькомъ...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СТРОЕВЪ и РОЗАНОВА.

СТРОЕВЪ (нѣсколько времени ходитъ по комнатѣ, потомъ сильно звонитъ, входитъ Поликарпъ Ивановичъ).

Попроси Ольгу Васильевну (*слуга уходитъ*). Удивляюсь вашему желанію, Марья Петровна, вмѣшиваться въ чужія дѣла.

РОЗАНОВА.

Давно ли вы стали считать меня чужою? Прежде смотрѣли вы на меня иначе.

СТРОЕВЪ.

Но... согласитесь сами... ваши нравоученья...

РОЗАНОВА.

Совершенно излишни: это холостые заряды, и я постараюсь на будущее время воздержаться отъ нихъ (*идетъ и встрѣчается со Строевой*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и СТРОЕВА.

СТРОЕВА.

Куда же ты?

РОЗАНОВА.

Мнѣ нужно по дѣлу.

СТРОЕВА.

Взгляни же на Мишу, онъ зоветъ тебя.

РОЗАНОВА.

Хорошо; отъ Миши я пройду по черному ходу. Не забывай меня, Оля, заходи почаще: Николаевская, № 5-й (*цѣлуетъ Строеву и уходитъ въ боковую дверь налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ X.

СТРОЕВЪ и СТРОЕВА.

СТРОЕВА.

Ты меня звалъ?

СТРОЕВЪ.

Да, я хочу тебя попросить поѣхать сегодня на балъ.

СТРОЕВА.

Я уже сказала тебѣ, что Миша нездоровъ и потому я не могу.

СТРОЕВЪ.

У тебя всегда отговорки: Миша вовсе не такъ боленъ, чтобы нельзя было его оставить.

СТРОЕВА.

Но ты забылъ еще другую причину; да наконецъ еслибы и не было никакихъ причинъ, но просто мнѣ не хотѣлось бы сегодня ѣхать на балъ.

СТРОЕВЪ.

Ни сегодня, ни вчера, ни завтра, ты никогда не желаешь исполнить просьбу своего мужа.

СТРОЕВА.

Но если просьба не заслуживаетъ....

СТРОЕВЪ (перебивая).

Заслуживаетъ, или нѣтъ, но если мужъ проситъ, то жена изъ любви къ нему должна...

СТРОЕВА.

Повиноваться. Хорошее правило. Павелъ Александровичъ, не будемте играть въ жмурки,—игра открытая гораздо лучше. На душѣ у меня давно накипѣло и я должна высказаться. Спрашиваю васъ прямо: вы намѣрены и на будущее время держаться усвоенныхъ вами въ недавнее время взглядовъ на отношенія жены къ мужу?

СТРОЕВЪ (вспыльчиво).

Никакихъ особенныхъ взглядовъ на семейныя отношенія я не усвоивалъ, Ольга Васильевна; я держался прежде и держусь теперь одного мнѣнія, что если жена любитъ мужа, то желаніе его дѣлается и ея желаніемъ.

СТРОЕВА.

А желаніе жены можетъ и не быть желаніемъ мужа: хороша логика.

СТРОЕВЪ.

Я этого не говорилъ.

СТРОЕВА.

Но это видно изъ вашихъ дѣйствій. Когда мы были бѣдны, когда мы работали вмѣстѣ, у насъ не было подобныхъ разногласій ни во взглядахъ, ни во мнѣніяхъ, а теперь... (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Такъ жить нельзя. Я не привыкла быть автоматомъ и дешево не продамъ своей свободы. У меня есть голова и руки, я найду себѣ кусокъ хлѣба и прокормлю своего сына!..

СТРОЕВЪ (озадаченный).

Къ чему же такія крайности, Ольга? Неужели же я не могу высказать свою просьбу, чтобы не возбудить въ тебѣ такую бурю? Такое мелочное обстоятельство, и ты выходишь изъ себя и говоришь мнѣ... но... но я даже не могу и повторить того, что ты сказала.

*

СТРОЕВА.

Изъ мелочей составляется вся наша жизнь. Провѣрь ее за послѣдній годъ, и, положа руку на сердце, отвѣть мнѣ откровенно: хороша она? Куда дѣвалась твоя энергія, куда исчезло святое желаніе приносить пользу? Ты сдѣлался эгоистомъ, лѣнтяемъ, гранящимъ мостовую, или рыщущимъ безъ цѣли по Невскому, на своихъ рысакахъ. Ты даже забываешь о сынѣ и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не интересуешься знать, какъ идетъ его воспитаніе. Неужели ты находишь все это хорошимъ? Мнѣ тяжело высказывать тебѣ такую правду, но я вынуждена говорить. Я не допускаю еще мысли, чтобы ты могъ совершенно измѣниться; во мнѣ живетъ еще надежда, что въ тебѣ не умеръ мой прежній Поль, которому я обязана своимъ развитіемъ, котораго я любила и привыкла уважать и котораго и теперь, на зло своему разсудку, все-таки люблю...

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ и ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Кучеръ просится со двора.

СТРОЕВЪ (подумавъ).

Пусть идетъ, сегодня онъ мнѣ ненуженъ — я буду дома (*слуга уходитъ*). Оля... миръ? Да? (*Строева съ любовью взглядываетъ на мужа*). Я... я не правъ (*подходитъ къ ней*). Ну-съ... ручку...

СТРОЕВА.

Поль, милый Поль! (*обнимаетъ мужа*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО.

Лица:

Строевъ.

Строева.

Бобылевъ-отецъ, главноуправляющій дѣлами общества «Развитіе производства предметовъ роскоши».

Фролъ Панфутьевичъ Мухинъ, купецъ изъ прогорающихъ, по внѣшности и разговору изъ современныхъ, держитъ себя съ достоинствомъ, завѣдуетъ общественнымъ модным магазиномъ.

Бобылева.

Петръ Петровичъ Бобылевъ.

Григорій Григорьевичъ Заблудскій, спеціалистъ по части обличенія въ газетахъ мелкихъ безобразій и скандаловъ.

Клавдія Лукьяновна, его жена; женщина довольно полная и апатичная.

Серафима Лукьяновна Новаковская, ея сестра, хорошенькая молодая вдова, большая кокетка и богатая.

Карагодинъ, ораторъ-фразеръ, ухаживающій за Новаковской.

Агѣевъ, изъ отставныхъ полицейскихъ чиновниковъ.

Ивановъ, съ виду простодушный и постоянно смѣющійся.

Васильевъ, вслѣдствіе своей чрезмѣрной тучности, дышетъ тяжело и громко откашливается.

Поликарпъ Ивановичъ.

Члены ревизіонной коммиссіи общества «Развитіе производства предметовъ роскоши».

Декорація та же; на столѣ избирательные ящики, серебряныя тарелочки съ баллотировочными шарами, бумага и письменный приборъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАБЛУДСКІЙ, ЗАБЛУДСКАЯ, НОВАКОВСКАЯ и КАРАГОДИНЪ

(Заблудскій показываетъ видъ, что читаетъ газету и дѣлаетъ замѣтки въ свою памятную книжку, а между тѣмъ прислушивается къ разговору Новаковской съ Карагодинымъ и изъ-подъ очковъ поглядываетъ на нихъ; Заблудская сидитъ поодаль, апатично смотритъ въ противуположную сторону и зѣваетъ; Новаковская и Карагодинъ на кушеткѣ съ лѣвой стороны).

КАРАГОДИНЪ.

Я читалъ вашъ протестъ, очаровательная Серафима Лукьяновна. Воображаю, какъ взбѣшенъ нашъ главноуправляющій! Да иначе и нельзя съ нимъ поступать: невозможно отдаться ему совершенно въ лапы, и такъ уже онъ вертитъ обществомъ, какъ ему вздумается. Но всего пріятнѣе, что протестуетъ дама; наконецъ настало время, когда и женщина выступаетъ, такъ сказать, на арену общественной дѣятельности.

НОВАКОВСКАЯ.

Вы ошибаетесь, M-r Karagodine, если полагаете, что женщина играла пассивную роль: она повсюду имѣла вліяніе, и оно незамѣтно было только для людей близорукихъ; но конечно не могла дѣйствовать открыто,—обстоятельства тому мѣшали.

КАРАГОДИНЪ

О да, я совершенно съ вами согласенъ: въ роли воспитательницы нашихъ дѣтей, вообще въ семейномъ быту; но въ сферѣ общественной, на почвѣ соціальной, къ сожалѣнію не могла проявить своей дѣятельности. Теперь, и только теперь наступаетъ пора возможно полнаго развитія ея природныхъ способностей, всесторонняго приложенія на практикѣ ея умственныхъ и нравственныхъ силъ,—однимъ словомъ, настаетъ великая эпоха торжества ея!.. Я не отвергаю, вліяніе ея было и

прежде сильно, но это было, такъ сказать, вліяніе красоты, граціи; теперь же мы встрѣчаемъ женщинъ, у которыхъ красота соединена съ сильнымъ умомъ; женщинъ, смотрящихъ практически на вещи, критически относящихся къ совершающимся событіямъ, неограничивающихъ свою жизнь однимъ семейнымъ очагомъ, а принимающихъ живое участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Вліяніе такихъ женщинъ на насъ, мужчинъ, неотразимо, обаятельно, всесильно! *(въ экстазѣ схватываетъ руку Новаковской и подвигается къ ней).*

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и БОБЫЛЕВА СЪ СЫНОМЪ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (влетая при послѣднихъ словахъ Карагодина).

Правда, правда! Женщины всесильны, ce que femme veut Dieu le veut. Bonjour, Серафима Лукьяновна, M-r Karagodine *(жметъ руку Новаковской, Карагодину и Заблудскимъ).*

КАРАГОДИНЪ (въ сторону).

Дуракъ, вѣчно сунется не во́ время *(Новаковской тихо).* Будутъ выбирать предсѣдателя сегодняшняго собранія—запишите меня *(Новаковская утвердительно киваетъ ему головой, Карагодинъ переходитъ сцену, садится возлѣ Заблудской и начинаетъ что-то съ жаромъ говорить ей; но та молчитъ, апатично смотритъ на него и зѣваетъ).*

БОБЫЛЕВА.

Bonjour, mesdames *(цѣлуется съ Заблудской и издали киваетъ головой Новаковской).* M-r Sabloudsky *(подаетъ Заблудскому руку и садится возлѣ него къ столу, злобно посматривая на Новаковскую).*

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (садясь возлѣ Новаковской).

Какая вы злая, Серафима Лукьяновна! А-ахъ какая злая!..

НОВАКОВСКАЯ.

Я злая?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

О, да, ну можно ли было такъ жестоко обидѣть моего отца своимъ протестомъ,—онъ, бѣдный, внѣ себя.

НОВАКОВСКАЯ.

А, такъ поэтому вы считаете меня злою? Но я должна была протестовать: инструкція, составленная членами ревизіонной коммиссіи, даетъ слишкомъ большія права вашему папа; (*съ важностью*) этого допустить нельзя.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ

Какъ вы хороши въ своемъ гнѣвѣ, какъ хороши! Я шучу, прелестная Серафима Лукьяновна, конечно, вы правы. Я всегда на сторонѣ истины и красоты.

НОВАКОВСКАЯ (кокетливо).

Вы неисправимы, Pièrre.

КАРАГОДИНЪ (замѣчая ухаживанье Петра Петровича).

М-me Новаковская, вы читали корреспонденцію М-г Заблудскаго во вчерашнемъ номерѣ «Хамелеона», какъ она вамъ нравится?

НОВАКОВСКАЯ.

Очень дѣльно и сдержанно написано. Слѣдовало бы обличить еще рѣзче.

БОБЫЛЕВА (ни къ кому въ особенности не обращаясь).

А я нахожу, что тонъ корреспонденціи слишкомъ рѣзокъ.

ЗАБЛУДСКІЙ.

Очень радъ, Серафима Лукьяновна, что моя статья вамъ понравилась.

НОВАКОВСКАЯ (тоже ни къ кому не обращаясь).

Съ лѣтами взгляды мѣняются: (*съ особеннымъ выраженіемъ*) когда мнѣ будетъ за сорокъ, я тоже буду находить рѣзкость въ вашихъ статьяхъ, M-r Sabloudsky.

БОБЫЛЕВА (вспыхнувъ).

Стиль и тонъ корреспонденціи M-r Заблудскаго очень напоминаютъ слогъ и манеру автора одного извѣстнаго протеста въ одномъ обществѣ (*съ ѣдкою насмѣшкою*). Les beaux ésprits se rencontrent.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (подскакивая къ матери).

Maman, будьте снисходительны (*перебѣгая къ Новаковской*). Что вамъ за охота спорить съ отсталой женщиной (*Новаковская хочетъ что-то сказать на колкость Бобылевой, но отъ волненія ничего придумать не можетъ. Карагодинъ замѣчаетъ ея смущеніе*).

ЗАБЛУДСКАЯ (Карагодину).

Не легко въ наше время играть роль обличителя: вы видите, какъ не любятъ моего мужа.

КАРАГОДИНЪ.

Это понятно (*съ пафосомъ*). Общество еще не доросло до сознанія своихъ недостатковъ. Необходимо выставлять ихъ ярко, рѣзко, а правда toute nue, правда неприкрашенная, натурально не нравится, и обличители, глашатаи истины, бичующіе людскіе пороки и страсти, подвергались въ древности и подвергаются теперь (*смотря на Бобылеву*) ненависти тупой толпы (*Новаковская взглядомъ благодаритъ Карагодина, Бобылева блѣднѣетъ и краснѣетъ отъ злости*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, СТРОЕВЪ, БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ, МУХИНЪ, АГѢЕВЪ, ИВАНОВЪ и ВАСИЛЬЕВЪ (выходятъ изъ кабинета).

СТРОЕВЪ.

Извините, что заставили немного подождать насъ; но, конечно, жена не позволила вамъ скучать.

БОБЫЛЕВА.

Ваша жена? Мы не имѣли удовольствія видѣть ее. Впрочемъ, чтожъ мудренаго: она такая нѣжная мать, что ни на минуту не можетъ оставить своего сына.

ЗАБЛУДСКІЙ (Карагодину).

Строевъ былъ дома и Бобылевъ съ другими членами сговаривались съ нимъ; надобно и намъ принять мѣры *(отходитъ въ глубину сцены съ Карагодинымъ; къ нимъ присоединяются Агѣевъ, Ивановъ и Васильевъ, ведется общій оживленный разговоръ, по временамъ слышны возгласы Заблудскаго, Карагодина и Агѣева: «непремѣнно», «о да, конечно», «мы должны», «рука объ руку»; Ивановъ ограничивается смѣхомъ, а Васильевъ изрѣдка кашляетъ на всю комнату и пыхтя поминутно отираетъ съ лица потъ платкомъ. На авансценѣ Строевъ, Бобылевъ-отецъ, Бобылева и Мухинъ тоже ведутъ разговоръ; Новаковская сидитъ съ лѣвой, а Заблудская съ правой стороны сцены, по лицу первой видно, что ее очень интересуютъ переговоры той и другой стороны, Заблудская же сохраняетъ постоянное свое выраженіе лица; Петръ Петровичъ поминутно перебѣгаетъ отъ одной группы къ другой).*

АГѢЕВЪ (Карагодину).

Мы выберемъ васъ предсѣдателемъ нынѣшняго собранія.

ИВАНОВЪ.

Васъ, васъ, ха, ха, ха!

ВАСИЛЬЕВЪ (кашляетъ).

Васъ.

ЗАБЛУДСКІЙ.

Да, конечно (*видимо недовольный, что желаютъ избрать не его, отходитъ къ своей женѣ и говоритъ ей тихо*). Запиши меня.

КАРАГОДИНЪ.

Не смѣю отказаться; считалъ бы такой отказъ съ своей стороны недобросовѣстностью. Остается душевно поблагодарить и выразить живѣйшую готовность послужить обществу, забывая свое *я* и имѣя въ виду одно—пользу общую.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ (прислушиваясь къ разговору).

Вы слышите, хотятъ избрать Карагодина. Агѣевъ, Ивановъ и Васильевъ перешли на его сторону: оппозиція противъ насъ сильна,—лучше не потерпѣть фіаско и самимъ, тоже избрать Карагодина—этотъ фразеръ не опасенъ.

БОБЫЛЕВА.

Но это невозможно: онъ жестоко оскорбилъ меня, его нужно исключить изъ числа членовъ.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Замолчи съ своими бабьими претензіями; тутъ дѣло, а она съ какими-то обидами лѣзетъ.

МУХИНЪ.

Мнѣ все равно, кого хотите, только не Заблудскаго, а то этотъ подлецъ всѣмъ напортитъ.

СТРОЕВЪ.

Хорошо, все равно, изберемъ Карагодина.

БОБЫЛЕВА (мужу, чуть не плача).

Другъ мой, вѣдь это будетъ страшная обида для меня.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Отстань, пожалуйста (*отводитъ въ сторону Мухина*). Кто это научилъ Новаковскую протестовать противъ инструкціи?

МУХИНЪ.

Я.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Какъ вы?

МУХИНЪ.

Очень просто. До меня дошли толки, что мы дѣйствуемъ заодно, мнѣ хотѣлось разбить ихъ.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Отлично, однакожъ я все-таки проучу Новаковскую.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (Новаковской).

Выберутъ Карагодина. Вамъ конечно это пріятно.

НОВАКОВСКАЯ (краснѣя)

А вы почему знаете?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Отъ меня ничего не скроется, вы къ нему неравнодушны.

НОВАКОВСКАЯ (кокетливо улыбаясь).

Вы мнѣ ужасно надоѣли; вотъ лучше выберите и вы его.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ

Чтобы только сдѣлать вамъ пріятное,—извольте.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ (звонитъ).

Господа! не угодно ли будетъ приступить къ занятіямъ (*всѣ усаживаются вокругъ стола въ слѣдующемъ порядкѣ*:

посрединѣ Бобылевъ-отецъ, по правую отъ него сторону Строевъ, Бобылева, Мухинъ, Ивановъ и Васильевъ, по лѣвую—Карагодинъ, Заблудскій, Заблудская, Агѣевъ, Новаковская и Петръ Петровичъ). Намъ предстоитъ выборъ предсѣдателя сегодняшняго, экстреннаго собранія; какую угодно будетъ принять баллотировку: шарами или записками? (*голоса: «по запискамъ», «по запискамъ!» Васильевъ громко кашляетъ, Новаковская и Бобылева вздрагиваютъ; Ивановъ хохочетъ, Бобылевъ-отецъ серьезно взглядываетъ на него, тотъ затихаетъ. Строеву*). Потрудитесь приказать убрать избирательные ящики.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не безпокойтесь, Павелъ Александровичъ, я сейчасъ (*переноситъ ящики и тарелки съ шарами на другой столъ*).

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ (передавая нарѣзанныя бумажки).

Гг., потрудитесь написать, кого угодно будетъ избрать вамъ (*всѣ пишутъ и потомъ передаютъ записки Бобылеву—отцу*). Кому угодно будетъ записывать избирательные голоса? (*всѣ молчатъ*). Не угодно ли? (*передаетъ по листу бумаги Строеву, Заблудскому и Мухину, тѣ отмѣчаютъ на ней голоса. Читая записки*). г. Карагодинъ, г. Карагодинъ, г. Заблудскій, г. Карагодинъ, г. Карагодинъ, г. Заблудскій, г. Карагодинъ, г. Карагодинъ, г. Карагодинъ, Бобылевъ Петръ Алексѣевичъ, г. Карагодинъ, г. Карагодинъ. Свой голосъ я присоединяю къ большинству (*обращаясь къ Мухину*). Какой результатъ?

МУХИНЪ (передавая листъ Бобылеву-отцу).

Девять голосовъ за избраніе г. Карагодина, два за г. Заблудскаго и одинъ за васъ.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ (Строеву и Заблудскому).

У васъ?

СТРОЕВЪ.

Тоже.

ЗАБЛУДСКІЙ.

Вѣрно (*оба передаютъ Бобылеву-отцу листы*).

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Мм. гг. и м. г-ни, большинствомъ голосовъ предсѣдателемъ сегодняшняго, экстреннаго собранія избранъ достойно-уважаемый товарищъ нашъ Анатолій Никандровичъ Карагодинъ. (*Карагодину*). Честь и мѣсто. (*Любезно уступаетъ ему свое мѣсто*).

БОБЫЛЕВА.

Это ужасно! (*Отворачиваясь отъ Карагодина, отодвигается отъ стола*).

КАРАГОДИНЪ.

Мм. гг. и мм. гг-ни! Душевно благодарю за оказанную мнѣ вами честь настоящаго моего избранія. Предсѣдательствовать въ такомъ почтенномъ обществѣ составило бы гордость для каждаго, тѣмъ болѣе для меня, ничѣмъ еще не успѣвшаго заслужить такого лестнаго, выраженнаго съ вашей стороны ко мнѣ, вниманія. Повѣрьте, что я глубоко цѣню вашу доброту, вашу снисходительность къ моимъ слабымъ силамъ и постараюсь оказаться достойнымъ довѣрія, которымъ вы изволили почтить меня. (*Васильевъ кашляетъ*).

БОБЫЛЕВА (вздрагивая Мухину).

Ахъ, какъ этотъ Васильевъ меня вѣчно перепугаетъ; никакъ не могу привыкнуть къ его кашлю.

МУХИНЪ.

Во время кашлянулъ, авось нашъ предсѣдатель замолчитъ, а то ему удержу нѣтъ.

ИВАНОВЪ.

Удержу нѣтъ, ха, ха, ха! (*Карагодинъ звонитъ, смотря на Иванова, тотъ перестаетъ смѣяться*).

СТРОЕВЪ (выражая нетерпѣніе).

Я попросилъ бы г-на предсѣдателя приступить къ занятіямъ.

МУХИНЪ, БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ, АГѢЕВЪ (вмѣстѣ).

Просимъ! просимъ!

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (Новаковской тихо).

Что вы такъ смотрите на Карагодина?

НОВАКОВСКАЯ.

Вамъ что за дѣло?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да мнѣ досадно: я ревную.

НОВАКОВСКАЯ.

Отстаньте, несносный.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И СТРОЕВА (входитъ никѣмъ незамѣченная и садится въ глубинѣ сцены).

КАРАГОДИНЪ.

Предметомъ засѣданія сегодняшняго экстреннаго собранія должно служить всестороннее обсужденіе выработанной почтенными членами ревизіонной коммисіи, къ числу которыхъ и я

имѣю честь принадлежать, инструкціи для управляющаго общественнымъ магазиномъ модныхъ издѣлій. И такъ смѣю предложить разсмотрѣніе этой инструкціи, состоящей изъ 20-ти параграфовъ, отдѣльно по каждому пункту.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Хотя инструкція и подписана всѣми членами ревизіонной коммиссіи, но одинъ изъ нихъ, именно г-жа Новаковская, протестовалъ противъ инструкціи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «составлена не согласно съ уставомъ общества, почему я и протестую», а потому, по моему мнѣнію, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію инструкціи, слѣдовало бы попросить уважаемаго члена, г-жу Новаковскую, объяснить подробно, въ чемъ именно находитъ она ее не согласной съ уставомъ.

КАРАГОДИНЪ.

Смотря на инструкцію съ точки зрѣнія оффиціальнаго характера....

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Позвольте, г-нъ предсѣдатель, протестовала г-жа Новаковская и слово должно принадлежать ей.

НОВАКОВСКАЯ.

Я уступаю свое слово М-г Карагодину.

БОБЫЛЕВА (Съ ѣдкою любезностью).

Но вѣдь вы протестовали, m-me Новаковская, а потому намъ было бы очень пріятно отъ васъ самихъ выслушать.

НОВАКОВСКАЯ.

Я... я... (*конфузится*).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (перебѣгая къ Бобылевой).

Маmап, mamап, будьте великодушны. (*Подскакивая къ отцу*) Ради Бога, папа, пощадите; вспомните, что она женщина.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ (сыну).

Убирайся, молокососъ. *(Новаковской)* Мы ожидаемъ объясненія вашего протеста.

БОБЫЛЕВА.

Убѣдительно просимъ.

БОБЫЛЕВЪ.

Просимъ.

ВАСИЛЬЕВЪ (кашляетъ).

Просимъ.

НОВАКОВСКАЯ (теряясь).

Позвольте.... я послѣ.... въ свою очередь *(умоляющимъ взглядомъ смотритъ на Карагодина, Строева и Заблудскаго).*

СТРОЕВЪ (съ досадою).

Не все-ли равно, господа, кто будетъ говорить прежде: г-жа Новаковская, или г-нъ Карагодинъ: думаю, что въ томъ и другомъ случаѣ дѣло отъ этого не пострадаетъ.

ЗАБЛУДСКІЙ.

Господа, я полагаю, что избравъ предсѣдателемъ настоящаго собранія уважаемаго нашего товарища г-на Карагодина, мы тѣмъ самымъ предоставили ему право руководить преніями, а слѣдовательно, если онъ признаетъ нужнымъ, предварительно истребованія объясненія отъ г-жи Новаковской, высказать, по поводу ея протеста, свое мнѣніе, то мы не можемъ отказать ему въ этомъ. *(Новаковская взглядомъ благодаритъ его).*

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (съ азартомъ).

Не можемъ, конечно не можемъ!

БОБЫЛЕВА.

Но.... однакожь.... если....

АГѢЕВЪ (перебивая ее).

Назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ.

ВАСИЛЬЕВЪ (кашляетъ).

Въ кузовъ!

ИВАНОВЪ.

Полѣзай въ кузовъ! *(гомерически хохочетъ).*

КАРАГОДИНЪ (долго звонитъ, смотря на Иванова; тотъ наконецъ перестаетъ смѣяться).

Гг., мы собрались сюда для дѣла, а не для словопрепирательствъ. И такъ, съ вашего позволенія, я продолжаю.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (кричитъ).

Продолжайте, продолжайте! *(Бобылевъ-отецъ взглядываетъ на него и качаетъ головой).*

КАРАГОДИНЪ.

Гг., я имѣлъ уже честь доложить вамъ, что смотря на инструкцію съ оффиціальной точки, она не удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи многимъ условіямъ: во первыхъ по формѣ, во вторыхъ по содержанію, въ третьихъ по дѣлу, въ четвертыхъ по направленію, въ пятыхъ по изложенію... въ шестыхъ по...

АГѢЕВЪ.

Ну, пошелъ катать по всѣмъ по тремъ. *(Ивановъ фыркаетъ).*

КАРАГОДИНЪ (звонитъ).

Я просилъ бы не перебивать меня.

СТРОЕВЪ (выказывая большое нетерпѣніе, съ неудовольствіемъ).

Продолжайте, г. предсѣдатель.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (кричитъ еще громче).

Продолжайте, продолжайте!

КАРАГОДИНЪ.

Залогъ успѣха каждаго предпріятія, между прочимъ, заключается также и въ возможной простотѣ веденія дѣла, слѣдовательно дѣлопроизводство должно быть ведено въ возможно-упрощенной формѣ; но вы замѣтьте, господа, формѣ, изъ чего вытекаетъ, что формальность необходима, и это неоспоримая истина: все выражается въ извѣстной формѣ, но надобно стремиться, чтобы форма не стѣсняла внутренняго содержанія, надобно, чтобы она, такъ сказать, восполняла его. Въ этомъ случаѣ, форма выработанной гг. членами ревизіонной комиссіи и представленной на ваше разсмотрѣніе инструкціи не сообразна съ уставомъ, не удобна къ руководству, грѣшитъ излишними длинностями, страдаетъ неумѣстною сжатостью. Все, что касается до обязанности главноуправляющаго, то въ ней отведено ему обширное поле для мѣропріятій, дѣйствій, способа контроля, даже въ нѣкоторомъ отношеніи ему предоставляется власть административная. Такое неограниченное, ничѣмъ не регулированное, право можетъ повести къ злоупотребленію имъ со стороны лица, пользующагося таковымъ правомъ, *(Васильевъ громко кашляетъ; всѣ вздрагиваютъ. Карагодинъ на минуту останавливается и потомъ продолжаетъ)* пользующагося таковымъ правомъ въ ущербъ круга дѣятельности, завѣдывающаго отдѣльною частью: «общественнымъ магазиномъ модныхъ издѣлій», а слѣдовательно и въ подрывъ возможно широкихъ операцій нашего достопочтеннаго общества. «Times is money», говорятъ американцы, а потому, не теряя дорогого времени, предлагаю приступить тотчасъ же къ обсужденію перваго параграфа инструкціи.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ

Г. предсѣдатель, мы еще не имѣли удовольствія выслушать объясненія г-жи Новаковской *(всѣ взоры устремляются на*

Новаковскую, на всѣхъ лицахъ выражается вниманіе и нетерпѣніе; Бобылева сіяетъ отъ радости).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (отцу чуть не плача).

Папа, я васъ умоляю.

НОВАКОВСКАЯ (конфузясь).

Я.... господа.... съ удовольствіемъ, но.... *(кокетливо улыбаясь, сквозь слезы)* къ тому, что высказалъ m-r Kagagodine прибавить ничего не могу.... я совершенно съ нимъ солидарна.

ВАСИЛЬЕВЪ (кашляетъ; громогласно).

Солидарна!

БОБЫЛЕВА.

Браво, браво, m-me Новаковская! *(смѣется и аплодируетъ; Новаковская совершенно теряется, Карагодинъ тоже, Заблудскій невольно улыбается; всѣ въ недоумѣніи; Петръ Петровичъ стоитъ совершенно опѣшенный и не знаетъ, что ему дѣлать; вдругъ Ивановъ фыркаетъ и съ Аѳѣсвымъ разражается гомерическимъ хохотомъ; Новаковская, окончательно переконфуженная, краснѣетъ и блѣднѣетъ, и наконецъ, чтобы выдти изъ своего затруднительнаго положенія, падаетъ въ притворный обморокъ. Всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ; общая суматоха; Карагодинъ и Петръ Петровичъ суетятся возлѣ Новаковской).*

СТРОЕВА (переходитъ на авансцену и обращается къ мужу).

Какъ вамъ нравится эта милая картина?... *(Строевъ стоитъ на авансценѣ совершенно сконфуженный).*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

«РѢШИТЕЛЬНЫЙ ШАГЪ».

Лица:

Строевъ.
Строева.
Миша, ихъ сынъ, 7 лѣтъ.
Розанова.
Крестниковъ, среднихъ лѣтъ, коренастый, одѣтъ просто, сюртукъ довольно поношенный, говоритъ густымъ голосомъ; завѣдуетъ сельскими школами въ одной изъ приволжскихъ губерній.
Поликарпъ Ивановичъ.

Дамскій кабинетъ; обстановка простенькая.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТРОЕВА (сидитъ у письменнаго стола и по временамъ вздыхаетъ, спустя нѣкоторое время входитъ Розанова, сначала она останавливается въ глубинѣ сцены и потомъ, сдѣлавъ шага два, издали говоритъ Строевой).

РОЗАНОВА.

Опять, Оля....

СТРОЕВА (оборачивается и увидѣвъ Розанову, нѣсколько времени смотритъ на нее и потомъ разражается нервнымъ плачемъ).

РОЗАНОВА (подходитъ къ Строевой и сочувственно кладетъ руку на ея плечо).

Тяжело, голубчикъ, понимаю, что тяжело...

СТРОЕВА.

Счастіе разбито, уваженіе потеряно, а не уважая, развѣ можно любить? Да, тяжело, тяжело живется на свѣтѣ... и не мнѣ одной тяжело, тяжело многимъ, многимъ женщинамъ...

РОЗАНОВА (стоя позади Строевой, наклоняется надъ ней и цѣлуетъ ее въ лобъ).

Оля, перестань, родная, успокойся.

СТРОЕВА.

Не могу, не могу....

РОЗАНОВА.

А Миша....

СТРОЕВА (взглядываетъ на Розанову, потомъ опускаетъ голову, крѣпко сжимая ее руками; черезъ нѣсколько времени, тяжело вздохнувъ, немного успокоивается).

Да, ты права, Маша: не честно разстраивать себя—я должна беречь себя для сына. Я постараюсь, соберу всѣ свои силы.... *(смотритъ на связку лежащихъ на столѣ писемъ).* Вотъ его письма.... онъ мнѣ писалъ ихъ, когда я думала еще только сойдтись съ нимъ.... свѣтлая пора любви, пора честныхъ стремленій, дорогихъ надеждъ... Сколько хорошихъ мыслей говорилось въ нихъ.... *(судорожно сжимаетъ въ рукѣ связку писемъ и горько улыбается)* говорилось и только *говорилось.... (беретъ одно изъ писемъ и читаетъ)* «люби ближняго, какъ самого себя, поучаетъ насъ великій Учитель, и это святое правило—неправда-ли, Оля?—будетъ свѣтить намъ путеводною звѣздою въ нашей общей жизни, если только ты, моя хорошая, согласишься идти со мною рука объ руку». И я пошла, я довѣрчиво протянула ему руку, я глубоко вѣрила въ него.... онъ былъ моимъ идеаломъ.... я гордилась имъ. И что же? Да гдѣ же они, сильные люди, если онъ, мой рыцарь безъ страха и упрека, оказался такимъ слабымъ?....

РОЗАНОВА.

Это, Оля, богатство виновато.

СТРОЕВА.

Я не ребенокъ, Маша, чтобы повѣрить этому. Ты думаешь другое и сваливаешь на богатство, желая успокоить меня. Нѣтъ, не то: такая значитъ ужь мелкая натура. До полученія еще наслѣдства, я стала замѣчать апатію въ немъ; думала, надѣялась—пройдетъ, но онъ все больше и больше лѣнился. Наконецъ, смерть его тетки доставила намъ значительныя средства; я обрадовалась, что вотъ теперь-то мы будемъ работать,—вѣдь съ деньгами, Маша, можно сдѣлать много, много хорошаго... и какъ я жестоко ошиблась! Отчего это, Маша, человѣку честному, сильному, стбитъ только сойдтись съ женщиной, чтобы разлетѣлись въ прахъ и его сила, и его честность? изъ героевъ онъ превращается въ такого маленькаго, маленькаго человѣчка.... Должна же быть тому причина? Я долго думала объ этомъ и додумалась. Мнѣ кажется, Маша, что причина лежитъ въ насъ самихъ женщинахъ. Наша обязанность велика: мы должны поддерживать въ людяхъ, съ которыми сходимся, энергію, должны возбуждать въ нихъ дѣятельность, и не можемъ—въ насъ мало образованія, мало нравственной силы.... мы не въ состояніи выполнить эту нелегкую задачу.

РОЗАНОВА (стараясь поддержать Строеву въ ея мнѣніи).

Очень можетъ быть это и есть причина.

СТРОЕВА.

Значитъ, Поль не такъ ужь виноватъ? больше не права я... да? *(тономъ, какъ бы желая, чтобы Розанова одобрила ея мысль)*. Не переговорить-ли мнѣ опять съ нимъ, серьезно, спокойно? Ты молчишь, Маша, значитъ соглашаешься со мною? Да, я еще разъ... одинъ разъ, послѣдній, переговорю съ нимъ.

РОЗАНОВА.

Только пожалуйста, Оля, не волнуйся, помни о сынѣ.

СТРОЕВА.

Буду спокойна.... да, для Миши я еще нужна.... больше ни для кого.

РОЗАНОВА (съ упрекомъ, на глазахъ у ней навертываются слезы).

Ни для кого? И не стыдно тебѣ?

СТРОЕВА (припадаетъ головой къ плечу Розановой и тихо плачетъ).

Извини, родная, прости.... Тяжело мнѣ, Маша, вотъ я и говорю глупости....

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и КРЕСТНИКОВЪ.

КРЕСТНИКОВЪ (входитъ изъ среднихъ дверей и на порогѣ смотритъ нѣсколько минутъ на Строеву и Розанову).

«Ручей два древа раздѣляетъ,
«Но вѣтви ихъ сплетясь растутъ.
«Судьба два сердца разлучаетъ,
«Но....»

а дальше то и забылъ. Здравствуйте, мои хорошія, лапку *(пожимаетъ Строевой и Розановой руку и усаживается на кушеткѣ; по бокамъ его садятся Строева и Розанова)*.

СТРОЕВА.

Гдѣ вы пропадали, Крестниковъ? Мѣсяцъ какъ вы въ Петербургѣ, и глазъ къ намъ не кажете.

КРЕСТНИКОВЪ.

Да земство наше поручило книжицъ для школъ накупить, ну и покупалъ; прокатился въ Новгородскую губернію посмотрѣть Александровскую учительскую школу: нельзя ли чѣмъ

позаимствоваться тамъ нашему брату. Ну, а вы вѣдь меня знаете, сибарита: заѣдешь въ село, тары да бары, балуешься себѣ чайкомъ, въ пріятной бесѣдѣ время проводишь и не замѣчаешь, какъ дни идутъ: глядишь, въ иной деревнѣ съ недѣльку и проживешь.

РОЗАНОВА.

А дѣло выиграли?

КРЕСТНИКОВЪ.

Патрикѣевцевъ съ сосѣднимъ землевладѣльцемъ, лѣсное?

РОЗАНОВА.

Да.

КРЕСТНИКОВЪ.

Нѣтъ еще, но на настоящую точку поставлено. (*Строевой*) Ну, а какъ вы, хорошая, живете поживаете, да добра наживаете?

СТРОЕВА.

Да, такъ, ничего.... *(задумывается)*.

КРЕСТНИКОВЪ (всматривается въ нее).

Это ничего.... выходитъ *чего*. Разсказывайте же, что подѣлывали, сколько вашъ благовѣрный барышей получилъ? *(Розанова дѣлаетъ знаки ему, чтобы онъ перемѣнилъ разговоръ)*. А вѣдь мудреную штуку выкинули: «*общество развитія производства предметовъ роскоши*», нашему уму не выдумать бы. *(Замѣчая знаки, дѣлаемые Розановой)*. А гдѣ вашъ шалунъ?

СТРОЕВА (едва удерживаясь отъ слезъ).

Я... я позову его сейчасъ (*быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

КРЕСТНИКОВЪ и РОЗАНОВА, потомъ МИША.

КРЕСТНИКОВЪ.

Значитъ *прозрѣла?*

РОЗАНОВА.

Какъ она страдаетъ, бѣдная!

КРЕСТНИКОВЪ.

Скверно; а я-то дуракъ еще рацѣи развожу, больше только разстраиваю.

РОЗАНОВА.

Въ день по нѣскольку разъ истерика дѣлается.

КРЕСТНИКОВЪ.

Охъ ужь эти нервы: другая давно бы порѣшила.

РОЗАНОВА.

Любитъ его очень.

КРЕСТНИКОВЪ.

Такая ужь ваша сестра глупая: по милости его плачетъ и все-таки любитъ,—вотъ я сколько ни стараюсь заплакать, не могу. Хоть посмотрѣть бы на себя въ зеркало, какъ это слезы изъ глазъ капаютъ; прекурьезное должно быть выраженіе.

РОЗАНОВА.

Вы все шутите.

КРЕСТНИКОВЪ.

Изъ чего же нюни-то распускать? Выбьется—слава ей: значитъ, сила; зачахнетъ, или опошлится—слѣдственно такъ тому и быть надлежало; вѣдь не она одна страдалица; если бы обо всѣхъ горевать, такъ только бы и приходилось въ жизни, что тяжелые вздохи испускать.

РОЗАНОВА.

Все же жаль.

КРЕСТНИКОВЪ.

Еще бы.... да еще какъ жаль-то: натура-то хорошая, да пособить нечѣмъ: а убиваться безъ толку, только трудъ на-

прасный; а благовѣрный все съ дурачьемъ возится и не замѣчаетъ, что съ женой творится?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и МИША.

МИША (вбѣгая).

Здравствуйте, Крестниковъ *(бросается къ нему на шею)*.

РОЗАНОВА (Крестникову).

Я къ Ольгѣ пойду. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

КРЕСТНИКОВЪ и МИША.

КРЕСТНИКОВЪ.

Здорово, дружище. Дай-ка на тебя посмотрѣть хорошенько; *(ставитъ его передъ собой)* ничего, здоровъ *(гладитъ его по головѣ)*. Ну, садись сюда *(сажаетъ его къ себѣ на колѣни)*. Разсказывай, что дѣлалъ; вѣдь мы съ тобой давно не видались.

МИША.

Учился, гимнастикой занимался, въ деревню, возлѣ Колпина, съ мамашей ѣздилъ; верхомъ катался, въ лѣсу бѣгалъ; сколько бабочекъ да жуковъ наловилъ — страсть; я вамъ покажу—полная, вотъ какая коробка *(показываетъ руками величину коробки)*.

КРЕСТНИКОВЪ.

А видалъ ли ты такого звѣря? *(вынимаетъ изъ боковаго кармана свертокъ и достаетъ оттуда червяка)*.

МИША.

Это червякъ, сѣрый, да толстый какой!...

КРЕСТНИКОВЪ.

Да какой еще червякъ, обжора, злѣйшій врагъ человѣка; если онъ нападетъ на посѣянный хлѣбъ, то дочиста съѣстъ его и приходится вновь засѣвать землю.

МИША.

Зачѣмъ же не убиваютъ его?

КРЕСТНИКОВЪ.

Уничтожаютъ, да иной разъ силъ не хватаетъ всего извести,—такъ ужъ много его бываетъ. А слыхалъ ли ты про саранчу?

МИША.

Мама разсказывала.

КРЕСТНИКОВЪ.

А про сусликовъ знаешь?

МИША.

Нѣтъ. А это что такое сусликъ?

КРЕСТНИКОВЪ.

Тоже врагъ человѣка: звѣрокъ маленькій; онъ также хлѣбъ на корню поѣдаетъ; водится въ губерніяхъ, гдѣ жарче здѣшняго.... Приходи ко мнѣ, я тебѣ покажу чучелу суслика.

РОЗАНОВА (въ дверяхъ).

Крестниковъ, идите, васъ Ольга зоветъ, съ ней что-то не хорошо.

КРЕСТНИКОВЪ.

Охъ ужъ эти мнѣ нервы.

МИША.

Что это мама все плачетъ?

КРЕСТНИКОВЪ.

Больна она, Миша; пойдемъ къ ней, да не шали, не безпокой ее. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

СТРОЕВЪ (входитъ изъ среднихъ дверей и увидя фуражку Крестникова).

А, Крестниковъ здѣсь, конечно и Розанова (*подходитъ къ письменному столу*). Что это, мои письма?.... Перечитывала ихъ.... капли слезъ; опять плакала, что мнѣ съ ней дѣлать?... Куда же дѣвались Розанова и Крестниковъ? (*Звонитъ, входитъ Поликарпъ Ивановичъ*). Гдѣ Крестниковъ?

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да здѣсь, должно быть. Они прошли сюда; можетъ быть, въ спальнѣ барыниной.

СТРОЕВЪ.

Ступай (*Поликарпъ Ивановичъ уходитъ и вскорѣ опять показывается въ дверяхъ*). Груститъ, плачетъ, все не по ней, ничѣмъ не довольна.... и жалко мнѣ ее, и досадно (*оборачивается и видитъ Поликарпа Ивановича*). Зачѣмъ еще торчишь здѣсь?

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да вотъ Новаковская давеча къ барынѣ пріѣзжала; онѣ не изволили принять, такъ письмо вамъ оставила.

СТРОЕВЪ.

Отчего же ты тотчасъ мнѣ не передалъ?

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ (въ сторону).

Вотъ какъ покрикивать мы ужь стали.

СТРОЕВЪ.

Что еще за ворчаніе?

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Никакого ворчанья нѣтъ. А когда мы вамъ не пригодны, такъ пожалуйте разсчетъ.

СТРОЕВЪ (какъ бы не разслышавъ)

Я позову, когда нужно.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ (рѣзко).

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

СТРОЕВЪ (распечатывая записку).

Что этой отъ меня нужно? (*читаетъ*). «Я напередъ была увѣрена, что если не застану васъ дома, то ваша милая супруга не приметъ меня, а потому заранѣе приготовила эту записку. Я такъ жестоко была оскорблена въ вашемъ домѣ, что хотя съ тѣхъ поръ прошло довольно времени, но все еще не могу вполнѣ поправиться и страшно страдаю. Пріѣзжайте ко мнѣ въ 8 часовъ — поѣдемте въ Павловскъ. Хоть немножко бы развлечься отъ воспоминанія объ ужасномъ огорченіи. Непремѣнно пріѣзжайте,—буду ждать васъ. Жму вашу руку». Н.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СТРОЕВЪ и ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ БОБЫЛЕВЪ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (въ ажитаціи).

Здравствуй, Строевъ; что ты все дома сидишь: вечеръ прелестный! а я сейчасъ отъ Новаковской, звалъ ее въ Лѣсной и вообрази, отказалась, говоритъ, что голова болитъ и что просидитъ весь вечеръ дома; но это вздоръ; я заранѣе убѣжденъ, что она куда-нибудь да поѣдетъ, но меня страшно интересуетъ съ кѣмъ?

СТРОЕВЪ.

Да изъ чего ты хлопочешь? Не все ли тебѣ равно.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Скажите пожалуйста, какъ это мило: «не все ли тебѣ равно?» Да я уже ухаживаю за ней третій мѣсяцъ и она меня все за носъ водитъ.

СТРОЕВЪ (улыбаясь).

Не можетъ быть?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Увѣряю тебя, за носъ водитъ; другимъ я въ этомъ конечно не признаюсь. Согласись, что вѣдь глупое мое положеніе.

СТРОЕВЪ.

Да, не совсѣмъ пріятное.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Хоть бы мнѣ узнать, кто за ней ухаживаетъ.

СТРОЕВЪ.

А тогда что?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

О, тогда я его вызову на дуэль и непремѣнно застрѣлю.

СТРОЕВЪ.

А если онъ убьетъ тебя?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не убьетъ; у меня такая ладонка есть, которая сохраняетъ отъ опасности: отъ бабушки досталась, я ее всегда ношу на груди.

СТРОЕВЪ.

Ну, а если есть ладонка, то смѣло вызывай.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Представь, дуракъ Карагодинъ, въ обществѣ многихъ нашихъ громогласно говорилъ, что Новаковская любитъ тебя,— правда это?

СТРОЕВЪ.

Не знаю.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Душка, Строевъ, ради нашей дружбы, ради нашего родства, скажи, любитъ тебя Новаковская?

СТРОЕВЪ.

Я-то почемъ знаю.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нѣтъ, ты знаешь, она тебѣ вѣрно призналась.

СТРОЕВЪ.

Да поди, ты мнѣ надоѣлъ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, хорошо же, я буду слѣдить за ней и узнаю; вѣдь это чортъ знаетъ что такое: третій мѣсяцъ за носъ водитъ.

СТРОЕВЪ.

Да изъ чего ты бѣснуешься? другихъ всю жизнь за носъ водятъ, и ничего.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нѣтъ, я не таковъ. Скажи пожалуйста, какъ ты думаешь, куда она сегодня поѣдетъ?

СТРОЕВЪ.

Я даже знаю.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Знаешь, ну скажи, Строевъ, другъ, голубчикъ (*душитъ его въ объятіяхъ*).

СТРОЕВЪ.

Да отстань, задушишь. На, читай (*подаетъ ему записку отъ Новаковской*).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (торопливо читаетъ про себя).

Такъ значитъ она тебя любитъ?

СТРОЕВЪ.

Не думаю

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А эта записка вѣдь отъ нея?

СТРОЕВЪ.

Какъ видишь.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Счастливецъ ты, Строевъ...

СТРОЕВЪ.

Поѣзжай, если хочешь, вмѣсто меня; я не поѣду.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ не поѣдешь?

СТРОЕВЪ.

Да просто, не поѣду. У меня жена больна. Напишу записку, что не могу.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ значитъ ты не любишь ее?

СТРОЕВЪ.

Да что тебѣ далось все любовь да любовь.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Позволь мнѣ отвезти къ ней отвѣтъ,

СТРОЕВЪ.

Очень обяжешь (*пишетъ записку и отдаетъ ее Бобылеву*).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (въ ажитаціи).

Ну, другъ Строевъ, я никогда не забуду этого одолженія; если представится случай—самъ тебѣ услужу. Лечу, лечу прямо къ ней. (*Убѣгаетъ подпрыгивая*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СТРОЕВЪ одинъ.

СТРОЕВЪ.

Сумасшедшій! (*звонитъ, входитъ Поликарпъ Иванович*). Никого не принимать. (*Поликарпъ Ивановичъ уходитъ*). Гдѣ же жена, что съ ней? Какъ она меня мучитъ: ужасно! (*идетъ въ спальню жены и встрѣчается съ нею*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

СТРОЕВЪ и СТРОЕВА.

СТРОЕВЪ.

Что ты такъ блѣдна, Оля?

СТРОЕВА (въ блузѣ; встрѣтившись съ мужемъ, на минуту останавливается, потомъ медленными, нетвердыми шагами, переходитъ къ письменному столу и садится).

Вы замѣтили?—*странно.*

СТРОЕВЪ.

Что же тутъ страннаго, моя милая?

СТРОЕВА.

По вашему не странно,—пусть будетъ и такъ. Я сама такая странная, оттого мнѣ и кажется многое страннымъ.

СТРОЕВЪ.

Не понимаю, что ты хочешь сказать, Оля.

СТРОЕВА.

Вы давно, очень давно перестали понимать меня. А я уже давно поняла ваши *разговоры.*

СТРОЕВЪ.

Постоянные упреки; какая ты сдѣлалась капризная.

СТРОЕВА.

Упрекать я васъ скоро перестану, капризовъ за собой не замѣчала, но если вы говорите, что я капризна, то слѣдуетъ вѣрить.

СТРОЕВЪ.

Ну, полно, Оля, дай мнѣ руку (*беретъ руку, Строева пристально смотритъ на мужа и потомъ нервически хохочетъ*). Что съ тобою, Оля? (*выпускаетъ руку жены, та продолжаетъ хохотать*). Я пошлю за докторомъ.

СТРОЕВА (немного успокоившись).

Не надо, не надо... я смотрю на васъ и вмѣсто васъ вижу нашихъ милыхъ знакомыхъ, а васъ-то, васъ не вижу.... вы куда-то исчезли.... а эти милыя личности расположились въ васъ, какъ у себя дома: вонъ изъ одного вашего глаза выглядываетъ франтиха Бобылева, изъ другого апатичная Заблудская, въ волосахъ вашихъ запутался хитрый старикашка Бобылевъ и гладитъ васъ по головѣ, на кончикѣ носа танцуетъ Петруша— преуморительный.... на спину взобрался Карагодинъ, а вотъ и хорошенькая вдовушка Новаковская усѣлась къ вамъ на плечо и своей миніатюрной ручкой треплетъ васъ по подбородку.... какіе они всѣ крошечные, крошечные и пресмѣшные....

СТРОЕВЪ.

Стыдно тебѣ, Оля, смѣяться надо мною,—я не подалъ къ тому повода. Я никогда не позволялъ смѣяться надъ тобой.

СТРОЕВА.

Насмѣятъся можно, смѣяться нельзя.

СТРОЕВЪ.

Если ты не будешь говорить серьезно, то я долженъ буду уйдти (*беретъ шляпу со стола и нечаянно роняетъ изъ нея записку Новаковской*).

СТРОЕВА.

О чемъ же говорить серьезно? вѣдь вы много, много говорили со мною серьезно и все это осталось только *разговорами*.

СТРОЕВЪ.

Но чего же ты хочешь отъ меня?

СТРОЕВА.

Прежде хотѣла отъ васъ многаго, а теперь ничего, — напрасный трудъ былъ бы: вы все равно не измѣнитесь; вы установились и такимъ ляжете въ могилу.

СТРОЕВЪ (ставитъ шляпу на столъ).

Наконецъ это невыносимо! Я прошу тебя, Оля, объясниться.

СТРОЕВА.

Охотно. Я васъ спрошу: къ чему повели ваши прежніе разговоры и куда дѣвались ваши прежнія честныя мысли?

СТРОЕВЪ.

Я всегда также мыслю.

СТРОЕВА.

А поступаете иначе.

СТРОЕВЪ.

Но что же особенно дурного я дѣлаю?

СТРОЕВА.

Какая заслуга, что вы не дѣлаете *особенно дурного!* Но вы не дѣлаете ничего и хорошаго, имѣя къ тому, замѣтьте, средства. Прежде, о чемъ мы могли только мечтать, теперь, съ деньгами, намъ легко было бы осуществить.... мы могли бы серьезнымъ, дѣльнымъ трудомъ принести себѣ и людямъ дѣйствительную пользу.... Вспомните о нашемъ сынѣ: своею честною дѣятельностью вы должны служить для него примѣромъ, а вы.... вы губите свои силы, вы нравственно разлагаетесь.... ваша жизнь пуста до одуренія. Могла ли я думать, что тотъ, кто писалъ эти письма, тотъ, которому я обязана своимъ развитіемъ, впослѣдствіи такъ опошлится.... Если бы я знала это,—я бы не подала вамъ свою руку.

СТРОЕВЪ.

Оля, Оля, перестань, мой другъ.

СТРОЕВА.

Но развѣ мнѣ не тяжело видѣть, какъ вы постепенно опускаетесь. Скажите, для чего же сохранять наши натянутыя отношенія? Не для того ли, чтобы еще больше измучиться, из-

страдаться, глядя на васъ, чтобы въ конецъ разстроить свое и безъ того слабое здоровье? Не забывайте, что жизнь моя нужна еще для сына; подумайте, что будетъ съ нимъ, если я умру? Чему онъ отъ васъ научится? Неужели и изъ него долженъ будетъ выйдти фразеръ, а не человѣкъ дѣла? (*Значительная пауза*). Я много, много думала объ этомъ. Въ то время, какъ вамъ казалось, что я не разсуждала, что я не серьезно относилась ко всему меня окружающему,—тутъ то болѣе, чѣмъ когда либо, моя бѣдная голова работала и я анализировала наши отношенія. Долго я не довѣряла своему критическому взгляду; для меня легче было обвинять себя, и я это дѣлала и старалась оправдывать васъ, но вы падали и падали все ниже и ниже....

СТРОЕВЪ.

И не стыдно тебѣ обижать меня такъ? Развѣ я не любилъ тебя, развѣ я не думалъ о своей семьѣ?

СТРОЕВА (съ горькою усмѣшкою).

Любили! Да, любили, любили меня одну и содержали меня и нашего сына.... но какая же въ этомъ заслуга: *такъ* честнымъ можетъ быть и дикарь Сандвичевыхъ острововъ.—*Такое* приношеніе отрицательной пользы не даетъ еще права на уваженіе (*пауза*). Я была еще очень молода, когда мы встрѣтились, но и тогда разсудокъ мнѣ говорилъ, чтобы я не сходилась ни съ кѣмъ до тѣхъ поръ, пока хорошо не узнаю человѣка, пока не обезпечу себя своимъ кускомъ хлѣба: «*не будь довѣрчива, смотри въ оба*», совѣтовалъ мнѣ разсудокъ, а чувство говорило другое.... оно не позволяло мнѣ ждать, я ощущала всѣмъ своимъ существомъ потребность любить.... я желала имѣть друга; для меня въ то время болѣе чѣмъ когда-нибудь онъ былъ необходимъ, чтобы дѣлиться съ нимъ волновавшими меня мыслями, чувствами... Въ это-то время я увидѣла васъ... (*пауза*). Съ поэтической наружностью, пишущій стихи, въ которыхъ говорилось, хотя и неясно, о какой-то скорби; задумчивый, какъ

будто удрученный какимъ то горемъ, живо сочувствующій несчастіямъ другихъ, — вы показались мнѣ особеннымъ человѣкомъ. Я сама была не изъ счастливыхъ; вы знаете при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ прошли мое дѣтство и юность: бѣдность и необразованность моихъ родныхъ, вышедшихъ изъ простого званія, грубость нравовъ и понятій окружающей меня среды—вотъ та обстановка, при которой росла я. Въ простотѣ души своей я думала, что если человѣкъ самъ несчастенъ, то онъ чутко отзовется на все, «*что проситъ у сердца отвѣта*», и я полюбила васъ.... полюбила горячо, со всѣмъ пыломъ моей юности.... (*пауза*). Но годы шли и что же оказалось: несчастій никакихъ нѣтъ, скорбей какъ бы и вовсе не бывало, а есть только одно апатичное отношеніе ко всему окружающему, — жизнь изо-дня въ день, переливаніе изъ пустого въ порожнее.... Все проповѣдуемое вами были только одни *жалкія слова*.... Помните ваши стихи? они начинались такъ:

Дай же мнѣ руку и смѣло, вдвоемъ,
Честной дорогою къ цѣли пойдемъ.

Съ какою горькою улыбкою я ихъ вспоминаю.

СТРОЕВЪ.

Нельзя же было весь вѣкъ стихи писать.

СТРОЕВА.

Да, нельзя; но мыслить и поступать честно *можно* и *должно* всю жизнь. (*Значительная пауза*). Долго жить я такъ не могла. Вы получали за переводы и стихи отъ одной изъ редакцій до 70 р. въ мѣсяцъ; совѣсть не позволяла мнѣ жить на вашъ счетъ; я хотѣла вносить и свою лепту въ наше общее хозяйство, тѣмъ болѣе, что въ то время расходы наши увеличились: у насъ родился Миша; я стала искать занятій, стала учиться акушерству и занялась своимъ дѣломъ; тогда мнѣ стало легче; съ одной стороны заботы о сынѣ, съ другой практика; я мирилась съ жизнью, на сколько могла, но вдругъ вы получаете неожиданное

наслѣдство. Обстановка наша мѣняется; вы совѣтуете мнѣ бросить практику—я не соглашаюсь и не перестаю работать; вы же круто сворачиваете на другую дорогу и въ омутѣ житейскихъ дрязгъ, пустоты, совсѣмъ преображаетесь; чѣмъ дальше шли годы, тѣмъ все больше и больше сглаживались ваши прежнія черты, вы постепенно размѣнивались на мелочь.... и въ настоящее время прежняго, моего честнаго Поля замѣнилъ другой человѣкъ: жалкая посредственность.... безличность.... Увлекшись существующимъ въ наше время такъ-называемымъ практическимъ направленіемъ, вы стали бросаться въ спекуляціи, чтобы увеличить свои и безъ того немалыя средства, и наконецъ дошли дотого, что открыли въ компаніи съ Бобылевымъ общество «*развитіе производства предметовъ роскоши*».... Тогда послѣдняя, нравственная, связывающая меня съ вами, нить порвалась.... и я рѣшила.... (*пауза*).

СТРОЕВЪ (тихо).

Что же вы рѣшили?

СТРОЕВА (твердо).

Разстаться....

СТРОЕВЪ (пораженный).

Разстаться?...

СТРОЕВА.

Да! (*продолжительная пауза*). Я, конечно, всегда сохраню чувство благодарности къ вамъ; вѣдь вамъ преимущественно я обязана своимъ развитіемъ. Что же дѣлать, если случилось такъ, что ученикъ перегналъ своего учителя.... я шла, вы остановились, я все продолжала идти, хотя и медленно, впередъ,—вы тоже стали двигаться.... назадъ.... и теперь между нами существуетъ слишкомъ большое разстояніе, чтобы мы могли когда-нибудь сойтись.

СТРОЕВЪ.

И вы такъ спокойно это говорите. Вы думаете, Ольга Васильевна, что мнѣ легко выслушивать подобные упреки. И я еще вѣрилъ въ вашу любовь. Нѣтъ, вы никогда, никогда меня не любили!...

СТРОЕВА.

Я не любила васъ? Впрочемъ, можете думать обо мнѣ, что угодно. Я привыкла дорожить мнѣніемъ тѣхъ, кого уважаю, а васъ....

СТРОЕВЪ.

Не уважаете.... доканчивайте же (*пауза*). Но вы забываете, Ольга Васильевна, что я могу *(сдержанно, но желчно)* не отпустить съ вами сына.

СТРОЕВА (пораженная).

Не отпустить со мною Мишу?... (*смотритъ на мужа пристально и потомъ говоритъ увѣренно, твердо*). На вашей сторонѣ сила—я это знаю, но вы не воспользуетесь ею; вы этого не сдѣлаете; это было бы слишкомъ жестоко. Нѣтъ, я убѣждена, что вы настолько еще сохранили порядочности, что не воспользуетесь своимъ правомъ, не захотите увеличивать моихъ и безъ того тяжкихъ страданій.... Для пользы вашего сына вы должны отдать его мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Карагодинъ васъ желаетъ видѣть.

СТРОЕВЪ.

Я приказалъ никого не принимать; скажи, что я боленъ, что меня дома нѣтъ.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Говоритъ, что ему очень нужно видѣться; дѣло, дескать, важное есть.

СТРОЕВЪ (съ досадой).

Зови въ кабинетъ. *(Поликарпъ Ивановичъ уходитъ и вскорѣ опять появляется).* Извините, если я на нѣсколько минутъ прекращу нашъ пріятный разговоръ. *(Уходитъ въ боковую дверь направо).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

СТРОЕВА и ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

СТРОЕВА.

Не отпустить со мною Мишу.... Нѣтъ, этого быть не можетъ.... я вырву его насильно!... я не допущу, чтобы онъ росъ при такой обстановкѣ.... *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и замѣчаетъ на полу записку).* Что это, записка?

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да это видно баринъ обронилъ; Новаковская давеча пріѣзжала, — вы не изволили принять ее; такъ она и оставила имъ эту записку.

СТРОЕВА.

Отъ Новаковской.... Хорошо, Поликарпъ Ивановичъ, ступайте, мой другъ.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ (въ сторону).

Что-то не ладно (*смотритъ съ сожалѣніемъ на Строеву и махнувъ рукой*) Эхъ, грѣхи! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

СТРОЕВА одна.

СТРОЕВА (держитъ въ рукѣ записку и какъ бы раздумывая, взглядываетъ на адресъ).

Почеркъ ея.... записка жжетъ мою руку.... Неужели я ревную?... Неужели я все еще люблю его?... Да, люблю, люблю!!... О какъ бы я хотѣла знать, что она къ нему пишетъ? *(смотритъ на записку).* Стоитъ только прочесть и я узнаю.... *(послѣ непродолжительнаго колебанія).* Нѣтъ, нѣтъ, я не унижусь до этого (*хочетъ положить записку на столъ, въ это время входитъ Строевъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

СТРОЕВЪ и СТРОЕВА.

СТРОЕВЪ (быстро входитъ и смущается видя записку въ рукахъ жены).

Я оставилъ здѣсь записку?

СТРОЕВА.

Вотъ она.

СТРОЕВЪ (въ сторону).

Что если она прочла?.... на сцену явятся подозрѣніе, ревность — это еще больше ее разстроитъ. (*Женѣ*). Ты знаешь, мой другъ, ея содержаніе?

СТРОЕВА.

Я не имѣю обыкновенія читать *чужія* письма.

СТРОЕВЪ (шутливымъ тономъ).

Позволь не повѣрить—женщины вѣдь очень любопытны.

СТРОЕВА (рѣзко).

Я никогда никому не лгала.... тѣмъ болѣе вамъ.

СТРОЕВЪ.

Въ такомъ случаѣ извини.... (*поспѣшно беретъ записку*). Эта записка отъ Заблудскаго, онъ проситъ меня пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ Карагодинымъ.

СТРОЕВА.

Отъ Заблудскаго?

СТРОЕВЪ.

Да... что тебя такъ удивляетъ?

СТРОЕВА (стараясь быть хладнокровной и едва выдерживая).

Нѣтъ.... ничего....

СТРОЕВЪ.

Однакожъ извини, мой другъ, я тебя оставлю; Карагодинъ мнѣ передалъ такія грустныя извѣстія о дѣлахъ нашего общества, что я долженъ немедленно съ нимъ ѣхать (*беретъ шляпу*).

Успокойся, милая, ради Бога успокойся; забудь о бывшемъ разговорѣ. Клянусь, Оля, я люблю тебя; для меня ты и Миша дороже всего на свѣтѣ. А тебѣ грѣшно такъ оскорблять меня. Разстаться!... да подумай: развѣ это возможно, развѣ легко для меня терять тебя?... (*пауза*). Ну, прощай.... дай же мнѣ ручку твою.... (*беретъ руку жены и цѣлуетъ; Строева пристально смотритъ на мужа и едва сдерживаетъ волненіе; Строевъ уходя оборачивается, и, замѣтивъ волненіе жены, возвращается*). Съ тобой что-то нехорошо?

СТРОЕВА.

Ничего.... Ступайте.

СТРОЕВЪ.

Прощай же; успокойся, милая! (*цѣлуетъ опять руку жены и уходитъ*).

СТРОЕВА (смотря на мужа вслѣдъ ему, тихо задыхаясь отъ волненія).

Прощайте.... прощайте.... надолго.... на все.... (*когда скрывается Строевъ, истерически рыдаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

СТРОЕВА, КРЕСТНИКОВЪ и РОЗАНОВА (вбѣгаютъ изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны, Поликарпъ Ивановичъ изъ среднихъ).

РОЗАНОВА.

Оля, Оля, что съ тобою?...

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ (растерявшись).

Матушка, Ольга Васильевна, родная наша.... вотъ грѣхи-то какіе.... Господи, да что же это?...

КРЕСТНИКОВЪ (сочувственно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ досадой).

Опять нервы! Да это чортъ знаетъ что такое....

СТРОЕВА (едва выговаривая отъ рыданій).

Онъ.... онъ.... *солгалъ!*...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Картина 1-я.

«СѢТИ ДЛЯ БЛИЖНЯГО».

Лица:

Новаковская.
Карагодинъ.
Бобылевъ-отецъ.
Петръ Петровичъ Бобылевъ.

Роскошный будуаръ свѣтской женщины.

ЯВЛЕНІЕ I.

НОВАКОВСКАЯ (полулежитъ на кушеткѣ, у ногъ ея сидитъ Бобылевъ-отецъ).

И такъ, для поддержанія нашихъ дѣлъ необходимо искуственное поднятіе акцій, вы говорите?

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Да, очаровательная, Серафима Лукьяновна, наисовершеннѣйшая правда—иначе наше общество погибнетъ. Вамъ, какъ самому энергичному и наиболѣе близко стоящему къ дѣлу члену, конечно, самой ясно видна непрочность нашего общества; чтобы поддержать его необходимо во-время принять мѣры, нужно, во что бы то ни стало, поднять кредитъ его, который въ послѣднее время падаетъ не по днямъ, а по часамъ.

НОВАКОВСКАЯ.

Это справедливо; я сама объ этомъ думала, но какъ же это устроить?

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Въ вашихъ миленькихъ ручкахъ и жизнь и смерть общества. Надобно намъ найти такого человѣка, который скупилъ бы значительное количество акцій,—тогда онѣ тотчасъ же поднимутся, а мы въ то время пустимъ статейку въ газетахъ—Карагодинъ уже заготовилъ ее—и кредитъ общества будетъ возстановленъ. Не забудьте, прелестнѣйшая Серафима Лукьяновна, что съ ликвидаціей мы лишаемся чуть не всего нашего состоянія. А какая вы сегодня особенно хорошенькая.

НОВАКОВСКАЯ.

И вы тоже любезничать пускаетесь... ахъ вы, старый волокита (*грозитъ ему*). А помните исторію съ моимъ протестомъ? Я еще не забыла ее.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Виноватъ, тысячу разъ виноватъ. Я тогда слѣпъ[illegible]ъ: не зналъ васъ настолько, насколько теперь знаю. Надобно вамъ сказать, я не встрѣчалъ женщинъ, способныхъ къ общественной дѣятельности, васъ встрѣтилъ первую и натурально не могъ довѣрить вашимъ знаніямъ, вашей практичности; но теперь другое дѣло.

НОВАКОВСКАЯ.

То-то же. Не воображайте, что мы, женщины, въ чемъ-нибудь уступаемъ вамъ, мужчинамъ: предоставьте намъ только возможность проявить свою дѣятельность и мы чудеса сдѣлаемъ.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Справедливо, совершенно справедливо; въ насъ, мужчинахъ, нѣтъ такой чуткости, нѣтъ такого быстраго соображенія, нѣтъ такой рѣшимости; у васъ сказано-сдѣлано.

НОВАКОВСКАЯ.

Да, мы въ этомъ отношеніи выше мужчинъ: у васъ умъ тяжелый, вы долго обдумываете, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, тогда какъ мы....

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Тотчасъ дѣйствуете, и дѣйствуете смѣло (*вкрадчиво*). Вы, конечно, догадались, кто можетъ оказать нашему обществу услугу въ поднятіи его кредита.

НОВАКОВСКАЯ (простодушно).

Вы?

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ (удивленно и смотря на Новаковскую во всѣ глаза).

Да, да, конечно.... я могъ бы.... но, видите ли, у меня нѣтъ свободныхъ денегъ: я отдалъ ихъ одному моему пріятелю на одну спекул.... на одно полезное предпріятіе — ремесленную школу онъ открываетъ.

НОВАКОВСКАЯ.

Такъ кто же?

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

И неужели вы не догадываетесь?

НОВАКОВСКАЯ.

Нѣтъ.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Больше некому какъ Строеву; онъ ужъ теперь хандритъ по случаю внезапнаго отъѣзда жены, вотъ кстати для него будетъ занятіе. Вѣдь, если вы только захотите — вы можете повліять на него.

НОВАКОВСКАЯ.

Вы думаете?

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Совершенно увѣренъ. И такъ, вы даете слово убѣдить его?

НОВАКОВСКАЯ.

Но не знаю успѣю ли я.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Успѣете, непремѣнно успѣете,—вамъ стоитъ только пожелать. Да развѣ вамъ можно въ чемъ-нибудь отказать? *(беретъ ея руку)*, а какая ручка-то крошечка и каждая жилка видна (*цѣлуетъ руку со стариковскимъ наслажденіемъ*).

НОВАКОВСКАЯ.

Не вздумайте еще влюбиться въ меня—вотъ было бы оригинально.

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Да ужъ я влюбленъ, страстно влюбленъ (*смотритъ на часы*). Однако пора,—меня ждутъ въ правленіи. Похлопочите же, очаровательная Серафима Лукьяновна, для пользы нашего общества: оно не забудетъ вашей услуги.

НОВАКОВСКАЯ.

Постараюсь. (*Бобылевъ жметъ ея руку, идетъ и потомъ возвращается*).

БОБЫЛЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Нѣтъ, не могу, чтобы еще не поцѣловать вашу руку. Можно? (*сладко смотритъ на Новаковскую*).

НОВАКОВСКАЯ.

Старый шалунъ; ну ужъ нате (*протягиваетъ Бобылеву руку, тотъ продолжительно цѣлуетъ ее и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

НОВАКОВСКАЯ одна.

НОВАКОВСКАЯ.

А, m-r Бобылевъ, теперь и вы ко мнѣ обращаетесь! а прежде смѣялись надо мной. Наконецъ-то я добилась своего: я играю

роль въ нашемъ обществѣ. Но что, если оно закроется — это будетъ ужасно! На Строева я не падѣюсь: онъ не обращаетъ на меня никакого вниманія; развѣ съ отъѣздомъ его жены.... Надобно съ нимъ пококетничать. Попробую, можетъ быть и успѣю.

ЯВЛЕНІЕ III.

НОВАКОВСКАЯ и КАРАГОДИНЪ.

КАРАГОДИНЪ (взволнованный).

Bonjour, mon ange. Я торопился къ тебѣ — дѣла наши скверны, очень скверны! Вчера съ Заблудскимъ ревизовалъ я нашъ магазинъ и нашелъ страшные безпорядки и злоупотребленія: товаръ на исходѣ, вырученныхъ денегъ не оказалось, Мухинъ говоритъ, что передалъ ихъ Бобылеву, а этотъ, старый плутъ, отказывается, росписокъ никакихъ нѣтъ, наличныя суммы всѣ затрачены на выписку модныхъ товаровъ. Въ магазинахъ, открытыхъ въ провинціи, дѣла идутъ, какъ мнѣ пишутъ оттуда, тоже въ убытокъ. Однимъ словомъ хаосъ, хаосъ полнѣйшій. Придется ликвидировать.

НОВАКОВСКАЯ.

Ахъ, это ужасно! Я только начинала играть роль въ обществѣ.... но какъ же быть, Анатолій?

КАРАГОДИНЪ.

Одно средство: поскорѣй надо сбывать акціи, хоть за безцѣнокъ; да вотъ вопросъ, кому ихъ сбывать? На биржѣ, дай Богъ, чтобы за нихъ по двадцати копѣекъ за рубль дали. У меня, положимъ немного, но у тебя вѣдь тысячъ на сорокъ.

НОВАКОВСКАЯ (совершенно растерявшись).

Что же намъ дѣлать, Анатолій?...

КАРАГОДИНЪ.

Да надобно что-нибудь предпринять. Главное, чтобы не сдѣлалось извѣстнымъ о безпорядкахъ, открытыхъ нашею ре-

визіею. Я просилъ Заблудскаго не говорить никому — онъ обѣщалъ молчать.

НОВАКОВСКАЯ.

У меня сейчасъ только былъ Бобылевъ. Онъ совѣтывалъ уговорить Строева скупить побольше акцій.

КАРАГОДИНЪ (обрадовавшись).

Вотъ отлично было бы, если бы это уладилось! Строевъ въ комерціи ничего не смыслитъ и легко можетъ попасть на удочку. Досадно, что самъ-же разболталъ я ему на дняхъ, что дѣла наши дурны; да вотъ еще бѣда: съ тѣхъ поръ какъ жена бросила его и уѣхала куда-то въ захолустье, чортъ знаетъ, что съ нимъ творится: сидитъ дома, хандритъ—совсѣмъ не узнаваемъ. Бывало деньги безъ слова давалъ въ займы, а теперь, въ послѣдній разъ, еле-еле я у него выпросилъ 500 рублей. *(Ходитъ по комнатѣ въ сильной ажитаціи)*. Нарочно и въ учредители нашего глупѣйшаго общества пошелъ, чтобы кредитъ себѣ пріобрѣсть и пріобрѣлъ: въ одномъ банкѣ «взаимной помощи» векселей моихъ тысячъ на пятнадцать; а теперь, какъ общество закроется, и сядетъ, какъ ракъ на мели, гроша нигдѣ не добудешь *(подумавъ)*. Надо переформировать общество, т. е. измѣнить только фирму,—назвать его южнымъ, или западнымъ, ну, или какъ-нибудь въ родѣ этого... Да вотъ еще не дурно было бы: банкъ открыть; теперь банки въ ходу. Нужно пока держаться Бобылева, а между тѣмъ посовѣтываться еще съ кѣмъ-нибудь изъ прогорѣвшихъ откупщиковъ — этотъ народъ молодецъ на всѣ руки: ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ; какъ феникъ изъ пепла возрождается.

НОВАКОВСКАЯ.

Ахъ, какъ будетъ досадно, если мы должны будемъ приступить къ ликвидаціи: вѣдь кромѣ потерь матеріальныхъ, все-таки и общая польза.

КАРАГОДИНЪ.

Какая тутъ къ чорту общая польза! Да развѣ въ настоящее лихорадочно-практическое время кто-нибудь, у кого только не сѣномъ набита голова, заботится о ней? Каждый думаетъ о себѣ; а трескучія фразы объ учрежденіи обществъ, или компаній съ гуманною цѣлью служатъ только средствомъ для замаскированія своихъ матеріальныхъ цѣлей. Мало ли я кричалъ объ общественной пользѣ, которую должно принести наше общество, иной разъ такъ надрывался ораторствуя, что даже грудь болѣла отъ всѣхъ разглагольствованій,—а развѣ я вѣрилъ хоть въ одно слово изъ моихъ либерально-азартныхъ рѣчей? — Конечно, нѣтъ; нужно было кричать, чтобы заманить себѣ простаковъ въ-родѣ Строева *(немного подумавъ)*. Знаешь, Серафима, нужно дѣйствовать, нужно во чтобы то ни стало уговорить Строева купить наши акціи; хоть за половину поминальной цѣны продадимъ, все-таки лучше, чѣмъ ничего не получить.

НОВАКОВСКАЯ.

Я готовъ дѣйствовать, но сомнѣваюсь, удастся ли.

КАРАГОДИНЪ.

Пусти въ ходъ свою очаровательную улыбочку, глазами поработай, поинтересничай, пококетничай съ нимъ—увидишь, не устоитъ.

НОВАКОВСКАЯ.

А ты не приревнуешь?

КАРАГОДИНЪ.

Вотъ вздоръ; какой же теперь порядочный человѣкъ ревнуетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, БОБЫЛЕВА и ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

(входятъ при послѣднихъ словахъ Карогодина; Бобылева въ амазонкѣ; Петръ Петровичъ въ коротенькой курточкѣ, въ шапочкѣ въ родѣ кепи и высокихъ сапогахъ съ хлыстикомъ).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Еще бы! Въ наше время надобно быть дикаремъ, чтобы ревновать.

КАРОГОДИНЪ (въ сторону).

Опять этотъ дуракъ явился.

БОБЫЛЕВА.

А я за вами, ma chère, не хотите ли поѣхать на Елагинъ?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да, мы за вами, прелестная Серафима Лукьяновна; сегодня собирается тамъ наше общество: князь Сержъ, Поля Бобриковъ, Ваня Митиковъ, княжна Лида Бекъ-Муратова. Вечеръ чудесный, поэтическій! Восхитительно созерцать: «*Какъ солнце пурпурное погружается въ море лазурное*»...

НОВАКОВСКАЯ (вопросительно смотритъ на Карагодина; тотъ дѣлаетъ знакъ, чтобы она отказалась).

Мегсі, Анна Анисимовна *(съ важностью)*. У меня есть одно серьезное дѣло, касающееся нашего общества, и я должна его исполнить сегодня-же.

БОБЫЛЕВА.

А, знаю, мнѣ говорилъ мой мужъ. Да, тутъ нужно торопиться и торопиться *(съ едва замѣтною насмѣшкою)*. Но едва-ли вамъ удастся?

НОВАКОВСКАЯ.

Вы такъ думаете?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что это такое, maman?

БОБЫЛЕВА.

Отецъ никому не велѣлъ говорить; послѣ узнаешь.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (обидясь).

Но вѣдь я тоже членъ общества. Надѣюсь, что Серафима Лукьяновна мнѣ скажетъ.

НОВАКОВСКАЯ.

Много будете знать, скоро состарѣетесь *(смѣясь)*. А я хочу, чтобы вы еще долго были молоды.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Въ такомъ случаѣ, я не спрашиваю *(въ сторону)*. Непремѣнно дорогой разузнаю у maman.

БОБЫЛЕВА (Карагодину, въ ажитаціи расхаживающему по комнатѣ).

M-r Karagodine, partez-vous avec nous?

КАРОГОДИНЪ.

Извините... не могу... я сегодня не совсѣмъ здоровъ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (тихо Новаковской).

Карагодинъ меня ревнуетъ къ вамъ — взгляните, какъ онъ разстроенъ; а какая вы сегодня аппетитная...

НОВАКОВСКАЯ (довольно громко).

А вы попрежнему глупы.

БОБЫЛЕВА (отзывая сына).

Pièrre. *(тихо ему)* Какъ тебѣ нестыдно ухаживать за женщиной, которая на тебя не обращаетъ никакого вниманія; въ тебѣ нѣтъ никакого самолюбія. *(Новаковской)* Мы кажется пріѣхали не вò-время: помѣшали вашему tête-à-tête *(саркастически смотритъ на Карагодина)* Mille pardons. Bonsoir. *(едва кивая головой идетъ къ дверямъ)*. Pièrre!

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Сейчасъ, maman. *(Новаковской)* Вы презлая: quelle mouche vous a piquée?

БОБЫЛЕВА (въ дверяхъ).

Pièrre, je vous attends (*уходитъ*).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Toute de suite, maman. *(Новаковской)* Вашу ручку. *(Жметъ ея руку и подходитъ къ Карагодину)*. Вы на меня не сердитесь?

КАРАГОДИНЪ.

Зачто?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нѣтъ, я такъ спросилъ. Au revoir. *(Уходитъ, обарачиваясь и взглядывая нѣжно на Новаковскую).*

КАРАГОДИНЪ (вслѣдъ ему).

Оселъ!

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (быстро взвращаясь).

Это вы меня?

КАГАГОДИНЪ.

Да, васъ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Но позвольте—это дерзость.

КАРАГОДИНЪ.

Можетъ быть.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Но я не позволю; мы будемъ стрѣляться, слышите, m-r Карагодинъ, стрѣляться.

НОВАКОВСКАЯ.

Pièrre, pas des scandales, pas des scandales.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (пятясь къ средней двери).

Вы, милостивый государь, сами о.... *(входитъ слуга).*

СЛУГА (Петру Петровичу).

Васъ матушка зоветъ; онѣ сердятся (*уходитъ*).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (въ дверяхъ).

Я никогда не прощу такой обиды: завтра же пришлю секунданта! непремѣнно пришлю. (*Карагодинъ улыбается)* Вы не вѣрите? Ей Богу, пришлю. (*Уходитъ, размахивая въ ажитаціи руками*).

ЯВЛЕНІЕ V.

НОВАКОВСКАЯ и КАРАГОДИНЪ.

НОВАКОВСКАЯ.

Что тебѣ за охота, Анатолій?

КАРАГОДИНЪ.

Но этотъ дуракъ ужасно мнѣ надоѣлъ. Когда же ты поѣдешь къ Строеву?

НОВАКОВСКАЯ.

Когда хочешь.

КАРАГОДИНЪ.

Надобно торопиться. Я полагаю, самое лучшее ѣхать сейчасъ же: онъ вѣроятно вечеромъ дома.

НОВАКОВСКАЯ.

А если меня не примутъ?

КАРАГОДИНЪ.

Не называй своей фамиліи.

НОВАКОВСКАЯ.

Слуга узнаетъ меня.

КАРАГОДИНЪ.

Опусти вуаль, измѣни голосъ.

НОВАКОВСКАЯ.

Я бы сама никогда не рѣшилась, но для пользы общества...

КАРАГОДИНЪ.

Ну ступай же, mon ange, пріодѣнься поэффектнѣе.

НОВАКОВСКАЯ

Ты будешь меня ждать здѣсь?

КАРАГОДИНЪ (беря шляпу).

Я пріѣду черезъ часъ. До свиданія (*цѣлуетъ ее*). Желаю тебѣ успѣха. (*уходятъ: Новаковская въ боковую, Карагодинъ въ среднюю дверь*).

Занавѣсъ.

Картина 2-я.

ПОПАЛИСЬ ВЪ ПРОСАКЪ.

Лица:

Строевъ.
Крестниковъ.
Новаковская.
Петръ Петровичъ Бобылевъ.
Поликарпъ Ивановичъ.

Декорація та же, что и во второмъ дѣйствіи. Драпри съ боковыхъ дверей и занавѣсы съ оконъ сняты и лежатъ на креслахъ; картины, канделябры и лампы стоятъ на полу въ углахъ; видно, что приготовляются оставить квартиру.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ (входитъ изъ боковыхъ дверей съ табуреткой, которую ставитъ къ среднимъ дверямъ, влѣзаетъ на нее и снимаетъ драпри).

Вотъ что дѣло, то дѣло: чѣмъ въ эдакихъ-то палатахъ жить, такъ оно лучше квартирку поскромнѣе нанять — авось тогда всякой шушеры будетъ поменьше шляться и объѣдать Павла Александровича, а то здѣсь отбою нѣтъ; чего ужъ нашъ братъ мущина, а то и бабы-то съ хвостами въ три аршина тоже покою ему не даютъ. Какъ барыня это уѣхала, такъ имъ сначала лафа была, и вѣдь безстыжія какія: ничего, что одинъ вдовцемъ живетъ,—такъ вѣдь и увиваются вкругъ него, словно хмѣль вкругъ тычины. Не знаю, какъ кому, а по-моему ужъ этто послѣднее дѣло, коли баба сама къ мужику лѣзетъ; вѣдь полюбить ихъ — онъ не полюбитъ, — куда ужъ этой шушерѣ до Ольги Васильевны, ну такъ чего же имъ надо? такъ нѣтъ — льнутъ къ нему, словно оводъ къ лошади: видимо деньги его нужны (*снявъ драпри, свертываетъ ихъ и кладетъ въ уголъ*). А подался, порядкомъ подался послѣ отъѣзда Ольги Васильевны: сначала духомъ совсѣмъ упалъ, я ужъ думалъ разумомъ тронется, да спасибо Крестникову—поддержалъ его въ горькія минуты.

Да и какъ не горевать: вѣдь Ольга Васильевна — душа человѣкъ, а умница-то какая, страхъ; вотъ по ея просьбѣ и я здѣсь остался. Уѣзжая, позвала этто меня и говоритъ, а у самой-то голубушки слезы на глазахъ: я васъ, говоритъ, прошу, Поликарпъ Ивановичъ, какъ друга своего, не оставляйте Павла Александровича и если случится, что онъ въ сердцахъ скажетъ вамъ что обидное, стерпите, говоритъ, ради меня; а прощаясь этто, обняла меня и заплакала (*утираетъ слезы*). Сынокъ-то тоже весь въ нее: ласковый такой; что, великонекъ-ли еще, а подико разсуждаетъ, словно взрослый; да и добрый же какой: послѣднимъ готовъ подѣлиться съ нашимъ братомъ. Сердечные, какъ-то живется имъ? Семенъ Семеновичъ сказывалъ: въ какомъ-то селѣ на Волгѣ проживаютъ; Ольга Васильевна лечитъ тамъ крестьянскихъ бабъ да дѣтей. Спасибо ей, и меня уму-разуму наставила: что, говоритъ, Поликарпъ Ивановичъ, никогда не пойдете послушать, что для народа читаютъ; а я сдуру, отвѣчаю ей: да куда ужъ мнѣ понять, какъ тамъ по-ученому говорятъ; нѣтъ вы, говоритъ, сходите, непремѣнно сходите;—ну и послушался: пошелъ этто разъ, да теперь ни одного чтенія и не пропускаю; удивленіе, право, какъ этто просто и занятно разсказываютъ, точно свой братъ съ тобой разговариваетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ и КРЕСТНИКОВЪ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Здравствуйте, Поликарпъ Ивановичъ (*пожимаетъ ему руку*).

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Здравствуйте, батюшка, Семенъ Семеновичъ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Что, какъ онъ у насъ?

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Теперь маленичко веселѣй выглядитъ. Порасшатало же его, охъ, какъ порасшатало; приказалъ готовиться къ переѣзду на другую квартиру.

КРЕСТНИКОВЪ.

Ну и ладно; а гдѣ онъ?

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Въ кабинетѣ: все что-то пишетъ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Доложите-ка, что я пришелъ.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да что вамъ, батюшка, церемониться-то, — вы свой въ домѣ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Нѣтъ, доложите-ка.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Вотъ Бобылевъ и Карагодинъ, — такъ чего: имъ сказываешь, что дома нѣтъ, не приказалъ дескать принимать, а они такъ и прутъ.

КРЕСТНИКОВЪ.

То они, а то я *(Поликарпъ Ивановичъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

КРЕСТНИКОВЪ одинъ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Можетъ еще и воскреснетъ; случаются иной разъ и такія чудеса только рѣдко. Ударъ-то ужъ слишкомъ силенъ: долженъ, всего его перевернуть.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КРЕСТНИКОВЪ и СТРОЕВЪ (замѣтно перемѣнился: похудѣлъ, поблѣднѣлъ, въ костюмѣ его не видать прежняго шика и изысканности).

СТРОЕВЪ.

Благодарю, другъ, что не забываешь меня *(жметъ Крестникову руку)*. Скоро ѣдешь?

КРЕСТНИКОВЪ.

Пора ужъ: каникулярное время кончилось и отпускъ мой тоже, да вотъ крестьянское дѣло еще задерживаетъ. Надоѣло у васъ здѣсь, въ Петербургѣ.

СТРОЕВЪ (тихо).

Не получалъ писемъ... оттуда?..

КРЕСТНИКОВЪ.

Вчера получилъ отъ Розановой, есть приписка отъ Ольги Васильевны.

СТРОЕВЪ (также).

Что же?

КРЕСТНИКОВЪ.

Познакомились съ тамошними аристократами, князьями Колонтаевыми; устраиваются въ селѣ понемногу.

СТРОЕВЪ.

А Миша?

КРЕСТНИКОВЪ.

Про Мишу проситъ сказать тебѣ, что здоровъ, ходитъ въ сельскую школу, частные уроки беретъ у одного технолога, Репяховъ—фамилія,—онъ сынъ тамошняго волостнаго головы; въ свободное время ѣздитъ къ нему на кожевенный заводъ; съ будущей почтой Миша самъ напишетъ тебѣ о своихъ занятіяхъ. Да вотъ прочти самъ *(вынимаетъ изъ бумажника письмо)*.

СТРОЕВЪ.

Нѣтъ не нужно... впрочемъ давай... послѣ прочту. Можно оставить его у себя до завтра? *(беретъ письмо)*.

КРЕСТНИКОВЪ.

Сдѣлай одолженіе.

СТРОЕВЪ.

Мишѣ у Ольги Васильевны лучше: у меня онъ того никогда бы не узналъ, чему тамъ научится. Будешь отвѣчать, поблагодари ее отъ меня, кланяйся, напиши, что крѣпко, крѣпко обнимаю Мишу, Розановой пожми руку...

КРЕСТНИКОВЪ.

Ты бы самъ написалъ.

СТРОЕВЪ (грустно).

Къ чему? Развѣ ей будетъ пріятно получить мое письмо? *(продолжительное молчаніе)* Тяжело, Крестниковъ, невыносимо тяжело! Вѣдь я люблю Ольгу Васильевну... и никогда не перестану любить... а между тѣмъ жизнь разбита. *(молчаніе)* Уѣду отсюда подальше... куда-нибудь... займусь чѣмъ-нибудь, буду работать, сколько силъ хватитъ, а тамъ, что будетъ со мной,—Богъ знаетъ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Зачѣмъ же отчаяваться: ты еще молодъ, силъ довольно — была бы только охота трудиться. Время, братъ, чудеса творитъ; снова можешь сойдтись, да ужъ не такъ, а на всю жизнь неразрывно.

СТРОЕВЪ.

Плохо вѣрится.... встрѣтитъ другаго по сердцу и..... Да, грустное положеніе. (*тяжело вздыхаетъ*). Скорѣе надобно бѣжать отсюда: все мнѣ здѣсь опротивѣло безъ нея. А какъ уѣхать: связался съ этимъ обществомъ и теперь не знаю, какъ раздѣлаться—довольно значительная часть моихъ денегъ вѣдь въ акціяхъ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Продай ихъ.

СТРОЕВЪ.

Да, я ужъ самъ думалъ объ этомъ (*молчаніе*). Крестниковъ....

КРЕСТНИКОВЪ.

Что?

СТРОЕВЪ (подумавъ).

У меня до тебя есть просьба. Я человѣкъ слабый... я чувствую, что деньги мѣшаютъ мнѣ заняться дѣломъ, а между тѣмъ разсудокъ говоритъ, что Ольга права, что такая жизнь, какую я велъ до сихъ поръ, не достойна хорошаго человѣка; мнѣ нужно поставить себя въ необходимость трудиться, и для этого я знаю одно только средство.

КРЕСТНИКОВЪ.

Какое?

СТРОЕВЪ.

Избавиться отъ денегъ. (*Крестниковъ смотритъ на него удивленно*). Въ глазахъ большой части практическихъ людей поступокъ мой покажется конечно глупымъ, но не ихъ же мнѣніемъ я стану дорожить. Я рѣшилъ, Крестниковъ, акціи и деньги передать тебѣ,—дѣлай съ ними, что хочешь: я знаю, въ твоихъ рукахъ онѣ принесутъ пользу. Я оставлю себѣ рублей двѣсти, триста, поѣду куда-нибудь и примусь за дѣло.

КРЕСТНИКОВЪ.

Дай мнѣ подумать... какъ же это я буду распоряжаться несвоими деньгами.

СТРОЕВЪ.

Но развѣ ты не хочешь спасти меня? Я отдалъ бы ихъ женѣ, но ты знаешь ее—она не возьметъ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Если ты непременно желаешь,—изволь, но только я беру съ условіемъ: если тебѣ жутко придется—обратись ко мнѣ.

СТРОЕВЪ.

Нѣтъ. Какъ бы жутко ни было, хоть пришлось бы умирать съ голоду, не попрошу ни копѣйки. Если не въ состояніи буду своимъ трудомъ себя прокормить, то для чего же и жить мнѣ на свѣтѣ. И такъ, рѣшено. Спасибо (*жметъ Крестникову руку*). Теперь у меня какъ гора съ плечъ свалилась.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Петръ Петровичъ. Я сказалъ, дома нѣтъ, такъ не вѣритъ.

СТРОЕВЪ.

Вотъ надоѣлъ-то; ну, да скоро я съ ними покончу.

КРЕСТНИКОВЪ.

Прощай, Строевъ.

СТРОЕВЪ.

Завтра утромъ я тебя жду, или, если будетъ тебѣ время, заѣзжай сегодня попозже: поужинаемъ вмѣстѣ, поговоримъ, переночуешь у меня.

КРЕСТНИКОВЪ.

Если будетъ время—заѣду сегодня, только едва ли раньше 11 часовъ, а если меня не будетъ въ 11, такъ завтра утромъ пріѣду. До свиданія.

СТРОЕВЪ.

До свиданія (*жметъ ему руку*).

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ (Крестникову).

Такъ вамъ, батюшка, Семенъ Семеновичъ, постельку приготовить?

КРЕСТНИКОВЪ.

Приготовьте на всякій случай, можетъ быть заѣду. Прощайте. (*жметъ Поликарпу Ивановичу руку и уходитъ; Строевъ достаетъ письмо и читаетъ*).

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Что же, Петру Петровичу отказать?

СТРОЕВЪ.

Я и забылъ про него. Зови (*Поликарпъ Ивановичъ уходитъ, Строевъ продолжаетъ читать письмо*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

СТРОЕВЪ и ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ БОБЫЛЕВЪ (въ томъ же костюмѣ, въ какомъ былъ и въ 1-ой картинѣ).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Строевъ, я къ тебѣ, другъ. Помнишь, ты мнѣ услужилъ, позволилъ вмѣсто себя ѣхать съ Новаковской въ Павловскъ; я сказалъ, что не забуду твоей услуги и если представится случай тѣмъ же отплачу тебѣ.

СТРОЕВЪ.

Да къ чему это предисловіе ведетъ?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты знаешь, что наше общество лопается, что на дняхъ придется приступить къ ликвидаціи.

СТРОЕВЪ.

Ты все вздоръ говоришь: вчера я видѣлъ твоего отца и онъ мнѣ сказывалъ, что дѣла идутъ отлично. Это вѣроятно Карагодинъ тебя напугалъ—онъ и мнѣ тоже говорилъ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я хорошо этого не знаю, но одно скажу тебѣ: противъ тебя заговоръ.

СТРОЕВЪ.

Въ твоей головѣ?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нѣтъ, не въ моей. Мнѣ maman сказывала, что отецъ уговорилъ Серафиму Лукьяновну пріѣхать къ тебѣ, упросить скупить

побольше акцій, чтобы поднять кредитъ общества. Если скупишь—ты пропалъ

СТРОЕВЪ.

Что ты городишь: скупить акціи; я и свои хочу продать.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Но она тебя уговоритъ.

СТРОЕВЪ.

Кто она?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да Новаковская — неужели ты не понимаешь? А знаешь ли Карагодинъ-то что сдѣлалъ?

СТРОЕВЪ.

Что такое?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Назвалъ меня осломъ въ присутствіи Новаковской (*Строевъ невольно улыбается*). Это изъ ревности къ ней, ей-ей изъ ревности.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ и ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Дама какая-то желаетъ васъ видѣть, Павелъ Александровичъ.

СТРОЕВЪ.

Какая еще дама?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Это Новаковская. Строевъ, душка, позволь спрятаться за драпри?

СТРОЕВЪ.

Сдѣлай одолженіе, куда хочешь.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (бѣжитъ и останавливается).

Ахъ, да у тебя драпри сняты (*суетясь*). Куда же я спрячусь? Можно въ твоемъ кабинетѣ? Я за дверью буду подслушивать (*убѣгаетъ въ кабинетъ*).

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Отказать вѣдь, Павелъ Александровичъ?

СТРОЕВЪ (подумавъ).

Посмотримъ, насколько нахальна эта барыня (*слугѣ*). Проси.

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Грѣхи! (*взглядываетъ съ неудовольствіемъ на Строева и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СТРОЕВЪ и НОВАКОВСКАЯ (подъ вуалемъ, стоитъ нѣсколько времени опустивъ глаза и не двигаясь съ мѣста).

СТРОЕВЪ.

Что вамъ угодно?

НОВАКОВСКАЯ (измѣняя голосъ).

Вы меня не узнаете?

СТРОЕВЪ (притворяясь, что не узнаетъ).

Нѣтъ, кто вы?

НОВАКОВСКАЯ (тѣмъ же голосомъ).

Но неужели вамъ сердце не говоритъ?

СТРОЕВЪ.

Нѣтъ. (*Новаковская откидываетъ вуаль*) Серафима Лукьяновна, чему я обязанъ вашему приходу?

НОВАКОВСКАЯ (дѣлаясь смѣлѣе).

И вы еще спрашиваете, Павелъ Александровичъ? Развѣ вы не замѣтили моей любви къ вамъ, (*кокетливо, тихо*) моихъ страданій.... Впрочемъ, вы и не могли понять моихъ чувствъ,

вы не имѣли времени узнать ихъ, вы слишкомъ любили свою жену, слишкомъ были заняты ею; но неужели и теперь, когда она такъ поступила съ вами.....

СТРОЕВЪ (строго).

Я просилъ бы васъ не касаться моихъ дѣлъ и не говорить о моей женѣ.

НОВАКОВСКАЯ (вздыхая, съ грустью).

Вы и теперь её еще любите. Зачѣмъ же я пришла сюда? Любовь заставила меня сдѣлать этотъ необдуманный, страшный поступокъ. Если кто-нибудь узнаетъ о немъ—я тогда погибла въ мнѣніи общества, въ мнѣніи людей честныхъ! Но я готова перенести насмѣшки, презрѣніе,—все, все... только бы видѣть тебя, Поль, слышать твой голосъ.... Не отталкивай меня (*подходитъ къ нему*). Я слабая женщина, сжалься надо мною.

СТРОЕВЪ.

Чѣмъ я могъ возбудить въ васъ такую любовь ко мнѣ?

НОВАКОВСКАЯ.

И ты еще спрашиваешь? (*Петръ Петровичъ выглядываетъ изъ-за двери*) Развѣ ты не замѣчаешь громадной разницы между тобою и другими людьми, тебя окружающими? Ты очень скроменъ, Поль, и не хочешь сознать, насколько ты выше ихъ. Вообрази мое ужасное положеніе: постоянно вращаться въ кругу такихъ пустыхъ личностей, какъ Бобылевы, Мухины, Агѣевы... Развѣ они думаютъ объ общей пользѣ, развѣ они желаютъ успѣха нашему дѣлу? Тогда, какъ ты, одинъ только ты готовъ принести всякую жертву, чтобы поддержать наше предпріятіе. За эту-то высокую честность я и полюбила тебя. Ты знаешь, Поль, что дѣла нашего общества очень плохи.

СТРОЕВЪ.

Я слышалъ отъ Карагодина.

НОВАКОВСКАЯ.

Онъ говорилъ тебѣ? О, да, я увѣрена была, что онъ не скроетъ отъ тебя ничего, что касается твоей пользы; онъ тоже

честный человѣкъ. Представь себѣ: нашему обществу грозитъ ликвидація; неправда ли, вѣдь это ужасно.

СТРОЕВЪ (притворно).

О, да, ужасно.

НОВАКОВСКАЯ.

Но я твердо увѣрена, что въ числѣ нашихъ членовъ есть одинъ человѣкъ, который не допуститъ до этого, подниметъ кредитъ общества, во что бы то ни стало, и спасетъ наше дѣло.

СТРОЕВЪ.

Интересно знать, кто же этотъ человѣкъ?

НОВАКОВСКАЯ.

И ты еще спрашиваешь? конечно ты.

СТРОЕВЪ.

Но какъ же это устроить?

НОВАКОВСКАЯ.

Очень просто, Поль, скупить побольше акцій: тогда биржевая цѣна на нихъ поднимется.

СТРОЕВЪ.

Какое простое средство—представьте, я этого не зналъ.

НОВАКОВСКАЯ.

Вотъ видишь, Поль, какъ легко сдѣлать хорошее дѣло.

СТРОЕВЪ.

Да, очень легко.

НОВАКОВСКАЯ.

Такъ ты скупишь, Поль, акціи? (*кокетничая*) Ну да, по глазамъ вижу, что скупишь.

СТРОЕВЪ.

Изъ-за одного ужъ того скуплю, чтобы не отказать вамъ.

НОВАКОВСКАЯ.

О, какъ ты великодушенъ. Ну, чтожъ мы все стоимъ—сядемъ, Поль (*беретъ его за руку и усаживаетъ возлѣ себя на кушеткѣ*). Какой ты хорошенькій.

СТРОЕВЪ (улыбаясь).

Въ самомъ дѣлѣ?

НОВАКОВСКАЯ.

Что за прелестный лобъ у тебя, а глаза.... нѣтъ, не смотри на меня такъ.... (*хочетъ обнять его, Строевъ встаетъ*).

СТРОЕВЪ.

Pardon! Les affaires avant tout. Я сейчасъ напишу записку Бобылеву и Карагодину, что завтра же поѣду на биржу и скуплю акціи.

НОВАКОВСКАЯ.

Благодарю, Поль, благодарю (*жметъ ему руку*; *Строевъ уходитъ въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

НОВАКОВСКАЯ одна.

НОВАКОВСКАЯ.

Планъ нашъ удался, какъ нельзя лучше, и общество мнѣ будетъ обязано своимъ спасеніемъ. Воображаю, какъ это обрадуетъ Анатолія. А еще говорятъ, что мы, женщины, неспособны вести дѣла. Однакожъ я и въ самомъ дѣлѣ начала было увлекаться Строевымъ: какой онъ красавецъ; въ другой разъ ни за что не возьмусь за такое щекотливое порученіе. Если бы я не имѣла въ виду общественную пользу, то конечно никогда бы не рѣшилась на такой рискованный поступокъ: пріѣхать одной, поздно вечеромъ, въ наемной каретѣ... это ужасно; но говорятъ, цѣль оправдываетъ средство. Воображаю, какъ мой успѣхъ взбѣситъ Бобылеву: о, она будетъ злиться, страшно злиться...

ЯВЛЕНІЕ X.

НОВАКОВСКАЯ и ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ БОБЫЛЕВЪ.

НОВАКОВСКАЯ (удивившись).

Бобылевъ? Вы были въ другой комнатѣ?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да.

НОВАКОВСКАЯ (тревожно).

И вы слышали нашъ разговоръ?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Отъ слова до слова. Вы отлично сыграли свою роль: хоть сейчасъ на сцену.

НОВАКОВСКАЯ.

Это низко, слышите, низко подслушивать за дверями!...

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А зачѣмъ вы кокетничаете со мной, а любите Карагодина.

НОВАКОВСКАЯ.

Молчите!...

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (обидясь).

Но....

НОВАКОВСКАЯ.

Гдѣ же Строевъ?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Вотъ вамъ записка отъ него.

НОВАКОВСКАЯ.

Вы конечно прочли её?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не успѣлъ—торопился передать вамъ.

НОВАКОВСКАЯ (съ презрѣніемъ).

А то бы ужъ конечно прочли (*вырываетъ изъ его рукъ записку и поспѣшно пробѣгаетъ ее глазами*). Боже мой, что же это такое? (*роняетъ записку и стоитъ ошеломленная*).

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (поднимаетъ записку и читаетъ).

«*Очень сожалѣю, что, несмотря на всю вашу хитрость, планъ вашъ не удался; впрочемъ вы можете утѣшиться, что въ лицѣ женщины, на которую было возложено исполненіе придуманнаго вами обмана, общество, для достиженія своихъ низкихъ цѣлей, имѣетъ дѣятельнаго члена, готоваго на всѣ услуги.*»

НОВАКОВСКАЯ.

Нѣтъ, это невозможно, это ужасно! (*подступая къ Петру Петровичу*) Это вы все разболтали Строеву?

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А зачѣмъ вы меня за носъ водите? А развѣ я забылъ обиду Карагодина: вѣдь при васъ онъ меня назвалъ осломъ.

НОВАКОВСКАЯ.

Негодяй!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, СТРОЕВЪ и ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ (со шляпой Петра Петровича).

СТРОЕВЪ (въ пальто и шляпѣ, идетъ изъ кабинета въ среднія двери; Новаковская при видѣ его опускаетъ вуаль; Поликарпу Ивановичу).

Проводи г-жу Новаковскую и подай шляпу г-ну Бобылеву (*уходитъ*).

ПОЛИКАРПЪ ИВАНОВИЧЪ.

Извольте (*подаетъ шляпу Петру Петровичу; растворяя обѣ половинки среднихъ дверей, Новаковской*).

Мадамъ, пожалуйте-съ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ (съ удивленіемъ).

Да меня-то за что?...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

«РАЗУМНАЯ ЖИЗНЬ».

Лица:

Строевъ.
Строева.
Миша.
Розанова, учительница въ сельской школѣ для дѣвочекъ.
Крестниковъ.
Князь Александръ Сергѣевичъ Калантаевъ, 55 лѣтъ, вдовецъ, крупный землевладѣлецъ, предсѣдатель уѣздной земской управы.
Сергѣй Александровичъ, 27 лѣтъ, медикъ, служащій въ земствѣ. } его
Зинаида Александровна. } дѣти.
Фаддѣй Демьяновичъ Репяховъ, старикъ почтенной наружности, волостной голова и гласный въ земствѣ.
Иванъ Фадѣевичъ, его сынъ, 28 лѣтъ, технологъ; управляетъ заводами въ имѣніи князя Калантаева; пріятель его сына.
Дмитрій Петровичъ Горевъ, 25 лѣтъ, изъ семинаристовъ, учитель мужскаго сельскаго училища.
Антипъ Семеновичъ Митюхинъ, старикъ, крестьянинъ, занимается рыболовствомъ и имѣетъ плохонькую, небольшую мельницу; не изъ зажиточныхъ.
Лизавета, его дочь, молодая дѣвушка.
Ильюша, 22 лѣтъ, купеческій сынъ, торгуетъ въ селѣ отъ отца разными товарами.
Василій Губаревъ, 25 лѣтъ, изъ бывшихъ дворовыхъ, пьянчушка, живетъ сочиненіемъ для крестьянъ разныхъ жалобъ и просьбъ.
Сеня Дюжиковъ, молодой парень.
Пафнутій Сѣверцевъ, крестьянинъ.
Катерина, его жена.
Перфильевна, дряхлая старуха, крестьянка.

Матрена, вдова, солдатка.
Ученицы сельской школы.

Улица въ селѣ; на первомъ планѣ съ правой стороны отъ зрителей одноэтажная большая изба съ крыльцемъ по срединѣ; надъ нею вывѣска: «Повивальная бабка»; съ лѣвой стороны, въ одноэтажномъ домѣ городской постройки, помѣщается «Школа для дѣвочекъ»; затѣмъ по обѣимъ сторонамъ улицы тянутся крестьянскія избы; при нѣкоторыхъ изъ нихъ и при школѣ сады, передъ избами ростутъ березы; вдали видна Волга, а на берегу ея господскій домъ и церковь. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАФНУТІЙ СѢВЕРЦЕВЪ (сидитъ на крыльцѣ у первой избы съ правой стороны); **ПЕРФИЛЬЕВНА** (съ грудянымъ ребенкомъ на рукахъ входитъ изъ глубины сцены).

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Здорово, родимый! Что кости-то на солнышкѣ паришь?

ПАФНУТІЙ (говоритъ гнусливо).

Да вотъ, хозяйка до лекарки пошла.

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Аль что приключилось?

ПАФНУТІЙ.

Глотку заложило, да по тѣлу сыпуха пошла.

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Много время?

ПАФНУТІЙ.

Съ зимняго Миколы; по началу такъ полагали, съ глазу; опосля знахарка снадобье давала — не помогло, чаво — еще похудшѣла; дохтуръ провѣдалъ, приказъ вышелъ отъ волости: до лекарки дойдти.

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Чтожъ, какъ?

ПАФНУТІЙ.

Хозяйка баетъ, маленько полегчело, зудъ поменѣ, да и глотка послободнѣе. А ты?

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Внученка принесла: родимчикъ; дочка-то о святой по-

мерла—царство ей небесное — а самъ-отъ въ Донщину ушелъ; вотъ и няньчусь; да что—не живучъ: больно ужъ дочка-то тяжко рожала его.

ПАФНУТІЙ.

Кого звали-то?

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Изъ Петриковки, Спиридоньевну—вотъ что кривулей зовутъ: у ней одинъ-то глазъ буде пониже другого и поменѣ—такая ужъ родомъ. Дочка-то дюже долго мучилась; ну, Христовъ праздничекъ вѣстимо дѣло—хотѣлось поскорѣича; Спиридоньевна пріѣхала выпимши, дала ей чего-то внутро, въ скорости и разрѣшилась, да опосля все жалилась на сердце—жжетъ, говоритъ; провалялась три дня, да и померла.

ПАФНУТІЙ.

До лекарки значитъ не доходили?

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Какъ помирать-то стала—звали; сусѣдъ, Кандратій, парнишку сваво на пѣгой кобылѣ посылалъ; пришла въ минутку, да чаво,—не помогла: посмотрѣла, головой покачала, да и баетъ: пошто раньше ее не позвали; велѣла за попомъ послать, тутъ въ скорости и Богу душу отдала.

ПАФНУТІЙ.

Такой ужъ значитъ предѣлъ былъ отъ Бога положенъ.

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Вѣстимо; безъ Его святой воли и волосъ съ головы не падетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и КАТЕРИНА, (выходитъ изъ первой избы съ правой стороны и старается пройдти незамѣченной Перфильевной).

ПЕРФИЛЬЕВНА (вслѣдъ ей).

Что, мать, можно идти-то?

КАТЕРИНА (полуоборачиваясь).

Иди. (*Перфильевна входитъ въ избу, Пафнутій уходитъ за женой).*

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛИЗАВЕТА (показывается вдали и задумчиво проходитъ черезъ всю сцену въ школу; въ рукѣ у ней книжка, завернутая въ тряпицу; позади ея крадется Ильюша, и, въ то время какъ она, не доходя нѣсколько шаговъ до школы, останавливается и бережно достаетъ изъ тряпки книжку, пугаетъ ее, толкая пальцами подъ бока).

ЛИЗАВЕТА (вздрогнувъ).

Ай, Ильюшка, опять?

ИЛЬЮША (одѣтъ по мѣщански).

А то нѣтъ. Издали васъ запримѣтилъ, какъ только изъ лодки выходили.

ЛИЗАВЕТА (продолжая идти).

Надоѣлъ ты мнѣ—вотъ что.

ИЛЬЮША.

Отчего-жъ бы такая немилость?

ЛИЗАВЕТА.

Сказала разъ: отстань.

ИЛЬЮША.

Зашли бы къ намъ въ лавочку—я васъ мермиладцемъ бы угостилъ.

ЛИЗАВЕТА.

Не нужно мнѣ твово мирмиладу, проваливай, и весь сказъ.

ИЛЬЮША.

Не по вкусу значитъ пришлись? А каково въ своемъ здоровьѣ Иванъ Фадѣевичъ поживать изволятъ?

ЛИЗАВЕТА.

Мнѣ почемъ знать—подь къ нему да и спрашивай.

ИЛЬЮША.

А мы въ своихъ дурацкихъ мысляхъ такъ полагали, что вамъ не безъизвѣстно.

ЛИЗАВЕТА (у крыльца).

Коль не замолчишь, такъ опять хляпу; — забылъ вѣрно онамедпясь? (*на противуположной сторонѣ сцены показываются Губаревъ и Дюжиковъ*).

ИЛЬЮША (заигрывая).

Запамятовалъ, Лизавета Антипьевна... Запамятовалъ...

ЛИЗАВЕТА.

Такъ вотъ-те! *(даетъ ему пощечину и поспѣшно входитъ въ школу. Ильюша, ошеломленный, схватывается за щеку, Губаревъ и Дюжиковъ хохочутъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ИЛЬЮША, ГУБАРЕВЪ и ДЮЖИКОВЪ (Губаревъ порядочно выпивши, Дюжиковъ на-веселѣ).

ГУБАРЕВЪ.

Что, братъ Ильюша, смазала?

ИЛЬЮША.

Ручища-то, словно лапа медвѣжья—такъ ошарашила, инда изъ глазъ искра посыпалась. Ну да ладно, красавица, я тебя доѣду.

ДЮЖИКОВЪ.

Ой-ли?

ГУБАРЕВЪ.

Сердитъ, да не силенъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и ПЕРФИЛЬЕВНА (выходитъ изъ избы съ ребенкомъ на рукахъ и идетъ въ противуположную сторону).

ГУБАРЕВЪ.

Старуха, а старуха, чьего ребенка тащишь?

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Внученка, касатикъ, внученка.

ГУБАРЕВЪ.

А мы полагали свово... *(хохочетъ).*

ДЮЖИКОВЪ.

Незамай, вишь старая.... Грѣхъ.

ПЕРФИЛЬЕВНА.

Что горло-то дерешь: окаяннаго тѣшишь, прости Господи. *(скрывается).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ безъ ПЕРФИЛЬЕВНЫ.

ИЛЬЮША.

А вы откелева?

ДЮЖИКОВЪ.

Изъ села Добрикова; у отца діакона пировали: на прошлой недѣли преосвященный тамъ проѣзжалъ, голосомъ его остался оченно доволенъ, сказываютъ, благодарность вышла — ну на радостяхъ угощенье и поставилъ.

ИЛЬЮША (раздумывая).

А я все на счетъ Лизки.

ГУБАРЕВЪ.

Да наплюй, ну ее къ шуту.

ИЛЬЮША.

Нельзя, потому ужъ очень обидно, дважды въ конфузъ приводитъ: прошлымъ разомъ при всемъ хороводѣ рѣзнула, благо теперича никого постороннихъ не было. Зло на нее беретъ, охота смертная какую ни на есть пакость ей сотворить, чтобы, значитъ, памятовала...

ГУБАРЕВЪ

Краснаго пѣтуха пусти.

ДЮЖИКОВЪ.

Чтой то ты, Вася, грѣха не боишься.

ИЛЬЮША.

Опасно,—эдакъ и въ Сибирь угодишь.

ГУБАРЕВЪ.

Ну такъ ворота дегтемъ вымажь.

ИЛЬЮША.

А какъ отецъ ея провѣдаетъ? вѣдь на мѣстѣ убьетъ.

ГУБАРЕВЪ.

Эхъ ты, баба! вотъ погоди, она тебя еще по рылу съѣздитъ.

ИЛЬЮША.

Ну, нѣтъ, братъ, шалишь! это все Репяховъ да семина-

ристишко ее смущаютъ. Прежде бывало на посидѣлки хаживала, хороводы водила, а теперь накось за букварь принялась. Третьяго дня прохожу я по берегу возлѣ Антипьевой мельницы, гляжу, Лизавета сидитъ съ своимъ любезнымъ; тотъ какую-то книжку ей читаетъ, а она такъ и смотритъ ему въ глаза, словно опасится проронить слово.

ГУБАРЕВЪ (раздумывая).

Книжку читаетъ... (*Ильюшѣ*). Другъ я тебѣ, али нѣтъ?

ИЛЬЮША.

Еще бы.

ГУБАРЕВЪ.

Ну такъ я тебѣ дѣльце обработаю — скажешь спасибо; то есть такую каверзу подведу, что чертямъ тошно будетъ.

ИЛЬЮША (обрадовавшись).

Взаправду?

ГУБАРЕВЪ.

Ужъ коли говорю, такъ вѣрно.

ИЛЬЮША.

Какую жъ?

ГУБАРЕВЪ.

Такъ я тебѣ и сказалъ,—держи карманъ... магарычъ будетъ?

ИЛЬЮША.

За этимъ не постоимъ.

ГУБАРЕВЪ.

Ну, такъ идемъ.

ИЛЬЮША.

Куда?

ГУБАРЕВЪ.

Извѣстно дѣло—въ кабакъ; что намъ здѣсь на юру-то толковать, тамъ сподручнѣе.

ИЛЬЮША.

Кабы отецъ изъ города не нагрянулъ: вѣдь день, да и кабакъ на большой дорогѣ.

ГУБАРЕВЪ.

Ахъ ты, баба; ишь какой жеребецъ выросъ, а тоже отца боится. Да развѣ мы тамъ заночуемъ: пройдемся по шкалику, другому, а межъ тѣмъ о дѣлѣ потолкуемъ. Ну, идетъ, что-ли?

ДЮЖИКОВЪ.

Полно, Вася, смущать его; и въ писаніи сказано: чти отца твово и матерь....

ГУБАРЕВЪ (перебивая).

Тебѣ-то что? Что ты рыло-то свое свиное въ чужое корыто тычешь?

ДЮЖИКОВЪ (вспыхнувъ).

А ты пошто лаешься? Ишь какой король Моголъ великій! Меня, братъ, не трошь, самъ сдачи дамъ.

ГУБАРЕВЪ (струсивъ и перемѣняя тонъ на шутливый).

Ну васъ ко псамъ; одинъ пойду, потому гулять охота (*идетъ, затягивая пѣсню*).

«Красота ты, красота,
Деревенска простота!
Изсушила, сокрушила
Добра молодца меня...
Вынимала румянечекъ
Со бѣлаго мово лица,
Со бѣла мово лица,
Удалого молодца.
Вспомни, вспомни, дорогая,
Какъ я первый разъ пришелъ,
Еще вспомни жъ, размилая,
Какъ второй то разъ пришелъ...
Подъ окошечкомъ сидитъ,
Попиросочку куритъ;
Попиросочка любезна
Какъ тебя мнѣ не курить,
Ахъ ты, Лизанька, дружочекъ,
Какъ тебя мнѣ не любить!»

(*кричитъ изъ глубины сцены*) Ильюша, идешь что-ль?

ИЛЬЮША.

Хитеръ парень; знаетъ чѣмъ меня разчувствовать. Иду. (*Дюжикову*). Пойдемъ.

ДЮЖИКОВЪ (колеблясь).

Вишь онъ очумѣлый, словно собака кидается — своихъ не узнаетъ.

ИЛЬЮША (тащитъ его).

Да ну! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, КНЯЖНА ЗИНАИДА И ИВАНЪ ФАДДѢЕВИЧЪ РЕПЯХОВЪ.

РЕПЯХОВЪ (входитъ подъ руку съ княжной Зинаидой; продолжая начатый разговоръ).

Да, еще много воды утечетъ прежде, чѣмъ заводчики за умъ возьмутся и станутъ нашего брата — технолога на заводы принимать; даже зло иногда беретъ: какой-нибудь иностранецъ, ни бельмеса не смыслящій въ своемъ дѣлѣ, заводомъ управляетъ, а нашъ братъ у него подъ командой. Недалеко ходить: въ десяти верстахъ отсюда, въ селѣ Добриковѣ, управляющимъ Шмидтъ; вы его видѣли: онъ какъ-то недавно къ вашему папа пріѣзжалъ, въ Бельгіи простымъ вѣдь слесаремъ былъ, — Васильевъ же,—вполнѣ окончившій курсъ въ Технологическомъ институтѣ и побывавшій за границей для изученія спеціально сахароваренія,—помощникомъ у него. Вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Да если бы я не былъ пріятель Сергѣя, развѣ вашъ отецъ далъ бы мнѣ у себя мѣсто? Конечно нѣтъ. Кстати разскажу вамъ про одинъ курьезный случай. У меня былъ тоже одинъ дѣльный товарищъ, очень способный; хотѣлось ему попрактиковаться лѣтомъ, во время каникулъ; начальство рекомендовало его на бумагопрядильную фабрику къ одному купцу и просило доставить по окончаніи практики аттестацію; что жъ бы вы думали купецъ написалъ о немъ: занимался, говоритъ, все время очень хорошо, только храмъ Божій рѣдко посѣщалъ. Вотъ и имѣй дѣло съ такими людьми! Много ли вы найдете въ большихъ имѣніяхъ управляющихъ изъ русскихъ? Куда не поглядишь: все иностранцы, не понимающіе ни обычаевъ, ни духа, ни богатствъ новой для нихъ страны, или доморощенные, изъ

бывшихъ крѣпостныхъ, ведущіе сельское хозяйство допотопнымъ способомъ. Да, долго еще мы не будемъ знать, куда приложить свои знанія и силы, и будемъ лѣзть въ чиновники, преимущественно въ акцизники: благо тамъ процентики хорошіе даютъ, да и дѣло-то знакомое за заводами наблюдать.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что вы вчера не приходили къ намъ?

РЕПЯХОВЪ.

Да нельзя было заводы оставить.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

А у насъ были Строева, Розанова и твой отецъ.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Опять говорили съ папа на счетъ открытія земледѣльческой фермы для дѣтей-сиротъ.

РЕПЯХОВЪ.

Ну, чтожъ?

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да ничѣмъ не кончили.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Отецъ находитъ, что земству тяжело устроить, а поддержать—поддержитъ.

РЕПЯХОВЪ.

Да онъ бы помогъ.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Говоритъ, дѣнегъ нѣтъ: урожай былъ плохой.

РЕПЯХОВЪ.

А на ежегодныя заграничныя поѣздки тратить по двадцати тысячь достаетъ средствъ?

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ну, братъ, совсѣмъ-то его не передѣлаешь: привычка — вторая натура; и такъ въ три года онъ не узнаваемъ. Помнишь, когда мы пріѣзжали на каникулы, что за безобразіе царило и въ домѣ, и въ воспитаніи Зины, да и вообще во всѣхъ дѣлахъ. Съ твоимъ отцомъ онъ былъ на ножахъ, въ земскихъ собраніяхъ

постоянно съ нимъ контры. Не пріѣзжай сюда Строева, не добились бы мы и такихъ результатовъ.

РЕПЯХОВЪ.

Да, она на него сильно вліяетъ; онъ видимо не прочь бы и пріударить за ней, да боится: держитъ себя ужъ очень строго. Разумная, энергическая натура; какъ только ея силъ достаетъ: минуты нѣтъ свободной. Вотъ еслибы изъ васъ, Зинаида Александровна, выработалась такая женщина: кажется ничего въ жизни не желалъ бы больше:—тогда я могъ бы сказать, что вполнѣ счастливъ.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Немногаго ты захотѣлъ.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА (краснѣя).

Такія женщины еще рѣдки въ наше время. Постараюсь, поработаю надъ собой, можетъ быть и изъ меня выйдетъ что-нибудь путное, только конечно съ вашей помощью (*взглядываетъ на Репяхова*).

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Что это вы такъ поглядываете другъ на друга? (*Зинаида Александровна и Репяховъ конфузятся*). Не думаешь ли ты...

РЕПЯХОВЪ.

Отчего же и нѣтъ? (*беретъ руку Зинаиды Александровны; та съ любовью смотритъ на него*).

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ужъ порѣшили? Такъ вотъ онѣ постоянныя прогулки вдвоемъ: договорились, значитъ, до самой сути, а мнѣ-то и не вдомекъ (*смотря на Зинаиду Александровну и Репяхова*). И физика подходящая, и мыслите одинаково, вообще данныя есть для счастливаго сожительства (*шутливо*). Благословляю, дѣти мои, плодитеся, множитеся, и населяйте землю. Когда же вы обрадуете дражайшаго родителя?

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Думаемъ, сегодня; папа хотѣлъ заѣхать къ Строевой; у ней и скажемъ.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

А она знаетъ?

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Конечно.

РЕПЯХОВЪ.

У насъ отъ нее нѣтъ секретовъ.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Дѣло. (*Увидѣвъ входящую Строеву*) А вотъ и Ольга Васильевна.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ и СТРОЕВА.

СТРОЕВА (выходя изъ своего дома).

Здравствуйте, друзья (*цѣлуетъ Зинаиду Александровну и подаетъ руку Сергѣю Александровичу и Репяхову*). Что же вы здѣсь стоите, ко мнѣ нейдете?

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да боялись помѣшать вамъ.

СТРОЕВА (Зинаидѣ Александровнѣ).

А гдѣ вашъ папа?

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Онъ хотѣлъ за нами сейчасъ придти.

СТРОЕВА.

И прекрасно. (*Изъ школы выходятъ крестьянскія дѣвочки-ученицы; нѣкоторыя бѣгутъ весело, другія идутъ чинно; нѣсколько дѣвочекъ входятъ въ избы, остальныя разбѣгаются въ разныя стороны*). Вотъ и классы кончились, и Розанова свободна.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, РОЗАНОВА, ЛИЗАВЕТА и потомъ АНТИПЪ МИТЮХИНЪ.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Устали, Марья Петровна?

РОЗАНОВА.

Да, немного, да вотъ еще нужно заняться съ Лизаветой. Здравствуйте (*пожимаетъ руку Зинаидѣ Александровнѣ, Сергѣю Александровичу и Репяхову; обращаясь къ Лизаветѣ*). Что вы сегодня, Лизавета, опоздали?

ЛИЗАВЕТА.

Работа́ла по дому, недосугъ было урваться раньше.

СТРОЕВА.

Что, какъ идутъ успѣхи ея?

РОЗАНОВА.

Очень хорошо; только нѣсколько мѣсяцевъ какъ учится, и то не всегда удается ей акуратно приходить въ школу, а ужъ читаетъ бойко, понимаетъ прочитанное и писать начинаетъ недурно; очень способная дѣвушка. (*Лизавета опускаетъ глаза и краснѣетъ; Митюхинъ, стоя позади, слышитъ разговоръ*). Впрочемъ я не приписываю себѣ одной ея успѣхи: помогали много Иванъ Фаддѣевичъ и Горевъ.

РЕПЯХОВЪ.

Въ особенности я, нечего сказать, много помогъ: какъ-то раза три-четыре пришлось мнѣ побывать на мельницѣ, — приходилъ къ ея отцу по дѣлу, — она и попросила меня растолковать ей, что вы въ школѣ читали изъ Ушинскаго; Горевъ же, думаю, еще меньше принесъ ей пользы: вѣдь у него не мало занятій и съ своими мальчуганами, въ училищѣ. Вы очень ужъ скромны, Марья Петровна (*замѣтивъ Митюхина*). Да вотъ и отецъ ея. Здравствуйте, Антипъ Егоровичъ (*подавая ему руку*).

МИТЮХИНЪ (кланяясь всѣмъ).

Здравствуйте, батюшка, Иванъ Фадѣевичъ; ваше сіятельство; Ольга Васильевна, матушка, здравствуйте. (*Вдали слышенъ колокольчикъ*).

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Кто бы это былъ? (*Отходитъ въ глубину сцены и*

смотритъ въ ту сторону, откуда слышенъ звонъ колокольчика).

СТРОЕВА (Митюхину).

А мы только хвалили вашу дочь.

МИТЮХИНЪ.

Слышалъ, матушка, слышалъ, и душа радовалась; вѣдь она у меня одинешенька, вся то семья: я да она.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

И красавица какая.

МИТЮХИНЪ.

Эхъ, ваше сіятельство, что красота, коли ума не будетъ; одною красотою кормиться не станешь.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА (сконфузясь, Репяхову).

Какой умный старикъ.

РЕПЯХОВЪ.

Да, *(улыбаясь)* заставилъ покраснѣть васъ.

СТРОЕВА.

Говорила она вамъ, конечно, о своемъ желаніи?

МИТЮХИНЪ.

Какъ же, сказывала; вѣдь она у меня съизмальства пріучена ничего не таить. Да и чего ей отъ меня скрывать — вѣдь отецъ ей лиха не пожелаетъ. Коли охота такая есть — бабкой быть—на то значитъ воля Божія.

ЛИЗАВЕТА (потупляясь).

Больно охотно.

МИТЮХИНЪ.

Только я ее не покину, — за ней поплетусь. Сказывалъ мнѣ Фаддѣй Демьяновичъ, что въ Питерѣ есть такое заведеніе, гдѣ бабки обучаются.

СТРОЕВА.

Да, есть.

МИТЮХИНЪ.

Чтожъ, и въ Питеръ махнемъ; батюшку царя увидимъ тамъ, а мнѣ этой радости не доводилось еще на моемъ вѣку. Слыхалъ, что тамотка рѣка, хошь нашей кормилицѣ-Волгѣ и

уступитъ, а все же не малая и рыбы въ ней вдоволь водится;— буду рыбачить; одно маленько смущаетъ: меленку придется продать; ну да что: прибытокъ-то отъ нея не великъ, объ одномъ поставишкѣ, да толчея; на ручеечкѣ, только слава, что мельница, а мелетъ, почитай три мѣсяца, въ году: по веснѣ, какъ солнышко пригрѣетъ, снѣга почнутъ таять и съ горъ ручьи побѣгутъ, да осенью, какъ дождички настанутъ.

РОЗАНОВА.

Да вѣдь до этого еще далеко: раньше какъ черезъ годъ я не отпущу Лизавету.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (возвращаясь на авансцену).

Крестниковъ съ кѣмъ-то пріѣхалъ. Папа идетъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, князь КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ и ФАДДѢЙ ДЕМЬЯНОВИЧЪ РЕПЯХОВЪ.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА (идя на встрѣчу къ отцу и цѣлуя его).

Папа, что ты такъ замѣшкался?

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Встрѣтился съ Семенъ Семеновичемъ и заговорился. Bonjour, Ольга Васильевна (*подаетъ ей руку*); Марья Петровна (*раскланивается съ Розановой и Иваномъ Фаддѣевичемъ*). А, и Митюхинъ здѣсь. (*Митюхинъ кланяется въ поясъ; Репяховъ-отецъ здоровается за руку съ Строевой*). Успокоились послѣ вчерашнихъ оживленныхъ дебатовъ?

СТРОЕВА.

Нѣтъ еще.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

И готовы продолжать? (*Замѣтивъ Лизавету и указывая на нее взглядомъ дочери*) Кто это?

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Развѣ ты, папа, не узнаешь: дочь Митюхина.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ (лорнируя Лизавету).

Развилась.... развилась.... charmante.... (*Лизавета конфузится, замѣчая, что на нее смотрятъ*). Подойди, милая, ко мнѣ.... не конфузься. (*Лизавета подходитъ, опустивъ глаза въ землю; трепля ее по щекѣ*) Charmante.... (*Митюхинъ сурово смотритъ на Калантаева и кашляетъ съ досады*).

СТРОЕВА (серьезно).

Князь, вы цивилизуете ее?

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Mille pardons.... увлекся немного; въ молодости занимался живописью и скульптурой и до сихъ поръ не могу видѣть типичной красоты. Да.... кажется я началъ о нашихъ вчерашнихъ дебатахъ (*улыбаясь*). Нельзя, нельзя всего вдругъ, и такъ въ три года много сдѣлано: устроена лечебница, приглашены два медика и пять акушерокъ, шесть дѣвушекъ посланы въ Петербургъ для изученія акушерства, открыто семь школъ для мальчиковъ и три для дѣвочекъ, наконецъ улучшены пути сообщенія.... ну.... и еще кое-что....

СТРОЕВА.

Не считая городскаго населенія, въ уѣздѣ до двухъ сотъ тысячъ, слѣдовательно на сто тысячъ одинъ медикъ и на сорокъ тысячъ одна акушерка; въ лечебницѣ десять кроватей: на двадцать тысячъ приходится одна кров [illegible] на такое же число одна школа! И вы, князь, серьезно находите это достаточнымъ? Нѣтъ, вы шутите.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Да, если посмотрѣть на цифры, то результатъ не блестящій.... по современемъ....

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ.

Дорогами похвалиться, ваше сіятельство, мы тоже не можемъ: иной разъ всю душу вытрясетъ, какъ скачешь по вы-

боинамъ да ухабамъ; докладывалъ я прошлому очередному собранію, что хорошо бы устроить саше до ближайшаго города, чтобы сподручнѣе крестьянамъ хлѣбъ возить; толковъ было много, да такъ ни на чемъ не порѣшили.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Ну еще бы шоссе: это стоило бы не дешево; земство не располагаетъ такими средствами.

СТРОЕВА.

Если бы не вы, князь, то у насъ и того не было бы, что мы теперь имѣемъ.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ (видимо довольный).

Но.... отчего же исключать и другихъ.... напримѣръ, Фаддѣя Демьяновича, Крестникова... и еще есть дѣятели.... Безъ помощниковъ и я ничего не сдѣлалъ бы.

СТРОЕВА.

А я все-таки стою на своемъ, что земледѣльческая колонія необходима....

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, КРЕСТНИКОВЪ, потомъ ГОРЕВЪ.

КРЕСТНИКОВЪ (тащитъ въ каждой рукѣ по большому коробу).

Здравствуйте, здравствуйте! Ухъ, усталъ (*ставитъ коробы на землю и утираетъ съ лица потъ платкомъ*).

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что вы сами-то тащите,—попросили бы кого-нибудь.

КРЕСТНИКОВЪ.

Гимнастикой не занимаюсь, — такъ вотъ и тащилъ чтобы мускулы развивать.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Что это такое?

КРЕСТНИКОВЪ.

Да вотъ позвольте, князь, покажу, покажу.... дайте духъ перевести. (*Входитъ Горевъ*) Марья Петровна, пожалуйте-ка

сюда (*увидѣвъ Горева*). Вотъ кстати и Дмитрій Петровичъ пришелъ. Ну-съ, полюбопытствуемъ *(всѣ обступаютъ Крестникова)*. Вотъ сей коробъ въ ваше распоряженіе, Марья Петровна, а этотъ *(Гореву)* въ ваше, Дмитрій Петровичъ. Начнемъ съ перваго. Прежде всего (*доставая изъ короба*) евангеліе въ двухъ разныхъ переплетахъ, получше и похуже, три экземпляра золотообрѣзны (*Передаетъ Зинаидѣ Александровнѣ*).

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, какой прелестный переплетъ (*показываетъ отцу*). Посмотри, папа.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Не правда ли, Ольга Васильевна, съ большимъ вкусомъ?

СТРОЕВА (взявъ книгу).

Да. (*Лизавета стоитъ позади Строевой и заглядываетъ; отдавая ей книжку*) Нравится вамъ, Лизавета?

ЛИЗАВЕТА.

Красиво. (*Отцу*) Батюшка, глянь-ка. (*Митрофанъ выражаетъ свое удивленіе, чмокая языкомъ*).

СТРОЕВА (Лизаветѣ).

Поступайте, Лизавета, какъ поучаетъ насъ въ этой святой книжкѣ Спаситель, и вы будете счастливы.

КРЕСТНИКОВЪ.

Вотъ жизнеописаніе хорошихъ людей, поработавшихъ на славу и для счастья нашей родины: Петра Великаго, Ломоносова. Вотъ «Родное Слово» Ушинскаго, «Басни» дѣдушки Крылова, «Овсяный кисель» Жуковскаго и другія полезныя для ума и сердца книжицы. (*Вынимаемыя книжки передаются изъ рукъ въ руки. Лизавета сначала конфузится, но потомъ становится смѣлѣе, непринужденно выражаетъ свое удивленіе и заглядываетъ въ коробъ, желая поскорѣе узнать, что въ немъ находится. Строева и Калантаевъ-отецъ отходятъ немного въ сторону и ве-*

дутъ оживленный разговоръ, по временамъ взглядывая на Зинаиду Александровну и Ивана Фаддѣевича, тоже разговаривающихъ между собой).

ЛИЗАВЕТА.

А гдѣ «Кисѣль»? (*Крестниковъ подаетъ ей книжку, та разсматриваетъ ее*). Стихи! Читать больно трудно, не люблю (*кладетъ книжку въ коробъ*).

КРЕСТНИКОВЪ.

Перейдемъ къ другому разряду. Кумачный сарафанъ.

ЛИЗАВЕТА (вытаращивъ глаза вскрикиваетъ).

Сарафанъ! (*вертитъ въ рукахъ и прикладываетъ къ талью, чтобы узнать на чей ростъ онъ сшитъ; обращаясь къ Розановой*) Вѣрно Аленкѣ Шебалиной достанется?

РОЗАНОВА.

Не знаю; учится она прилежно: можетъ быть и ей.

КРЕСТНИКОВЪ.

А вотъ и платки разноцвѣтные. Всѣмъ выпускнымъ дѣвушкамъ по евангелію непремѣнно; а затѣмъ, Марья Петровна, остальныя книги и вещи раздадите послѣ экзамена, смотря по успѣхамъ каждой. Теперь укладывайте сами. (*Розанова жметъ ему руку и кладетъ все въ коробъ; обращаясь къ Гореву*). Въ этомъ коробѣ книги такія же, а вмѣсто сарафановъ и платковъ вотъ что: (*достаетъ*) кафтанъ изъ чернаго сукна, кафтанъ изъ сѣраго, кушакъ.... Ну-съ, укладывайте, Дмитрій Петровичъ (*Горевъ жметъ ему руку и хочетъ класть вещи въ коробъ, но Крестниковъ останавливаетъ его*). Постойте, постойте, для ума есть что, для сердца тожъ, а для желудка ничего. Дайте-ка я еще пошарю (*роется въ коробѣ*). Ну-ка, молодая молодушка, красная лебедушка, покажите намъ свои очи черныя, да брови соболиныя. Та-та-та, пожалуйте, не конфузьтесь (*вынимаетъ огромный роспис-*

ной пряникъ, изображающій крестьянскую дѣвушку; всѣ смѣются).

ЛИЗАВЕТА.

Пряникъ! (*Заливается смѣхомъ*).

СТРОЕВА (улыбаясь).

Крестниковъ, вы не можете, чтобъ не насмѣшить.

КРЕСТНИКОВЪ.

Такимъ шутомъ ужъ на свѣтъ уродился. (*Гореву*) укладывайте. (*Розановой*) Съ недѣльку проживу здѣсь, а тамъ и экзаменъ.

СТРОЕВА.

Теперь, господа, прошу всѣхъ къ себѣ; я васъ кофеемъ угощу. Князь, вашу руку (*идетъ съ Калантаевымъ-отцомъ и замѣтивъ, что Митюхинъ съ дочерью хотятъ уйти, обращается къ нимъ*). Антипъ Егоровичъ, Лизавета, куда же вы? Нѣтъ, нѣтъ, такъ не дѣлаютъ. Фаддѣй Демьяновичъ, вамъ поручаю Антипа Егоровича, а тебѣ, Маша, Лизу.

РОЗАНОВА.

Сейчасъ придемъ, только снесемъ вещи. (*Лизаветѣ*) Помогите-ка.

ЛИЗАВЕТА (поднимая коробъ).

Ухъ, какой тяжелый. (*Уноситъ вещи съ Розановой съ гиколу*).

ГОРЕВЪ (вслѣдъ Розановой).

Я и свои къ вамъ перенесу, послѣ возьму (*переноситъ вещи тоже къ Розановой*).

СТРОЕВА (съ Калантаевымъ-отцемъ на крыльцѣ, обращаясь къ Зинаидѣ Александровнѣ, разговаривающей съ Иваномъ Фаддѣевичемъ).

Зинаида Александровна, (*улыбаясь*) не наговорились еще? Идите же (*всѣ идутъ къ Строевой; Зинаида Александровна подъ руку съ Иваномъ Фаддѣевичемъ*) Крестниковъ, а вы что же?

КРЕСТНИКОВЪ.

Пока вы будете, Ольга Васильевна, съ кофеемъ возиться,—я переговорю съ однимъ благопріятелемъ: очень нужно.

СТРОЕВА.

Не заговоритесь,—рискуете безъ кофе остаться (*уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

КРЕСТНИКОВЪ и потомъ РОЗАНОВА, ЛИЗАВЕТА и ГОРЕВЪ

КРЕСТНИКОВЪ (идя въ глубину сцены и посматривая по сторонамъ).

Куда онъ дѣвался (*увидѣвъ Розанову, идущую съ Горевымъ и Лизаветой къ Строевой*). Марья Петровна, на два слова.

РОЗАНОВА (Гореву и Лизаветѣ).

Ступайте, я сейчасъ приду (*тѣ уходятъ къ Строевой*). Еще разъ благодарю, Крестниковъ, за подарокъ; вотъ радость-то будетъ моимъ ученицамъ!

КРЕСТНИКОВЪ.

Ну, безъ нѣжностей. Вотъ что, гдѣ Миша?

РОЗАНОВА.

Три дня какъ на кожевенномъ заводѣ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Пошлите-ка сейчасъ за нимъ, только чтобы Ольга Васильевна не знала.

РОЗАНОВА.

Зачѣмъ?

КРЕСТНИКОВЪ.

Секретъ наистрожайшій; послѣ узнаете.

РОЗАНОВА.

Что это вы, какъ будто чѣмъ-то взволнованы. (*съ участіемъ*) Не случилось ли что съ вами?

КРЕСТНИКОВЪ.

А ужъ вы перепугались? Экая натура бабья. Нѣтъ, нѣтъ,

сказалъ — послѣ узнаете. Да вотъ еще, попросите Ольгу Васильевну, чтобы улучила минуту, вышла ко мнѣ сюда; скажите, что мнѣ нужно переговорить съ ней.

РОЗАНОВА.

Хорошо *(идетъ къ Строевой)*.

КРЕСТНИКОВЪ (вслѣдъ ей).

Не забудьте, Мерья Петровна, скорѣе послать за Мишей, да чтобъ онъ не мѣшкалъ, тотчасъ бы ѣхалъ, заводъ вѣдь въ двухъ верстахъ—мигомъ можетъ прикатить.

РОЗАНОВА.

Сейчасъ-же пошлю (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

КРЕСТНИКОВЪ и СТРОЕВЪ.

СТРОЕВЪ (изъ глубины сцены).

Крестниковъ!

КРЕСТНИКОВЪ.

Куда ты скрылся?

СТРОЕВЪ (замѣтно постарѣлъ, похудѣлъ, съ бородой, одѣтъ просто; выходя).

Я тутъ былъ, хотѣлъ выдти, да ты съ Розановой говорилъ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Надобно приготовить Ольгу Васильевну, а то я боюсь за нее: неожиданная радость, какъ и внезапное горе, можетъ скверно подѣйствовать.

СТРОЕВЪ.

Ты думаешь, что она обрадуется мнѣ?

КРЕСТНИКОВЪ.

Еще бы!

СТРОЕВЪ.

Такъ она еще любитъ меня?

КРЕСТНИКОВЪ.

Ты сомнѣваешься?—и не переставала.

СТРОЕВЪ.

А если... она оттолкнетъ меня? тогда... скверно будетъ со мною, Крестниковъ: чувствую, что не переживу.

КРЕСТНИКОВЪ.

Да поди, что ты за ерунду городишь.

СТРОЕВЪ.

Мнѣ теперь не стыдно взглянуть ей въ глаза; не проспалъ я эти три года, а работалъ, насколько хватало моихъ силъ. Неужели же, чтобы искупить мое прошлое, не довольно тѣхъ нравственныхъ мученій, тѣхъ страданій, которыя я испыталъ въ разлукѣ съ нею, той пытки, которую я перенесъ, когда неотвязно преслѣдовала меня тяжелая мысль, что Ольга не уважаетъ меня... не любитъ... Что она встрѣтила, быть можетъ, другаго... (*съ рыданьемъ въ голосѣ*), съ которымъ дѣлится своими мыслями... своею любовью... которому отдалась вся... вся...

КРЕСТНИКОВЪ.

Ну, пошолъ!...

СТРОЕВЪ.

Не пожелалъ бы врагу своему пережить тѣ муки, которыя я пережилъ. Тебѣ, Крестниковъ, не понять этого,—ты натура исключительная: горячо любящая всѣхъ и никого въ особенности.

КРЕСТНИКОВЪ (качая головой).

Сердцевѣдъ...

СТРОЕВЪ (всматриваясь въ него).

Неужели?..

КРЕСТНИКОВЪ (съ досадой).

Не люблю, никого не люблю! (*отходитъ отъ него; въ домъ Строевой отворяется ведущая на крыльцо дверь; Строевъ вздрагиваетъ*). Убирайся-ка скорѣй — это лучше будетъ, чѣмъ сладкія рѣчи говорить; да не появляйся, пока я не позову.

СТРОЕВЪ.

Не мучь меня долго, Крестниковъ (*поспѣшно скрывается*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

КРЕСТНИКОВЪ и СТРОЕВА.

КРЕСТНИКОВЪ (стоитъ задумавшись, смотря въ ту сторону, куда ушелъ Строевъ, и не замѣчаетъ, какъ къ нему подходитъ Строева; тяжело передохнувъ).

Сердцевѣды—кроты: роются у себя внутри, а что съ другими творится, того не вѣдаютъ—зрѣніемъ слабы.

СТРОЕВА (подойдя къ Крестникову).

Крестниковъ!

КРЕСТНИКОВЪ (вздрогнувъ).

А!.. это вы... Ольга Васильевна.

СТРОЕВА.

Что съ вами, что вы такимъ страннымъ выглядите?

КРЕСТНИКОВЪ (овладѣвая собой).

Смѣшнымъ, Ольга Васильевна, смѣшнымъ...

СТРОЕВА.

Зачѣмъ звали?

КРЕСТНИКОВЪ.

Получилъ письмо отъ Павла Александровича.

СТРОЕВА (стараясь быть спокойною).

Да?

КРЕСТНИКОВЪ.

Вчера.

СТРОЕВА.

Оно съ вами?

КРЕСТНИКОВЪ.

Какъ же (*шаритъ въ боковомъ карманѣ пальто*). Экая досада, забылъ дома.

СТРОЕВА.

Можно послать. Александръ Сергѣевичъ каждый день въ городъ нарочнаго посылаетъ.

КРЕСТНИКОВЪ.

Пошлю, сегодня же пошлю.

СТРОЕВА.

Что же пишетъ?

КРЕСТНИКОВЪ.

Кланяется вамъ, Мишу цѣлуетъ.

СТРОЕВА (тихо).

Цѣлуетъ Мишу...

КРЕСТНИКОВЪ.

Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ.

СТРОЕВА.

Это онъ вамъ пишетъ?..

КРЕСТНИКОВЪ.

Нѣтъ...

СТРОЕВА.

Откуда же вы узнали?

КРЕСТНИКОВЪ (заминаясь).

Да... *(скоро)* отъ одного моего благопріятеля, который видѣлся съ нимъ; такіе панегирики о немъ мнѣ отчитывалъ: говоритъ, рѣдко можно встрѣтить другаго такого человѣка. Вотъ погодите-ка, Ольга Васильевна, онъ и насъ скоро за поясъ заткнетъ.

СТРОЕВА.

Плохо вѣрится... въ его лѣта не мѣняются.

КРЕСТНИКОВЪ.

Бываютъ и такія чудеса *(молчаніе)*. Ахъ, да я и забылъ сказать вамъ: пишетъ, что можетъ быть скоро пріѣдетъ сюда.

СТРОЕВА (поблѣднѣвъ).

Пріѣдетъ!..

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ, КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ (съ сигарою въ зубахъ), **ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА, ИВАНЪ ФАДДѢЕВИЧЪ.**

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Хороша, хороша хозяйка: зазвала къ себѣ гостей, а сама и ушла.

КРЕСТНИКОВЪ (въ сторону).

Вотъ принесла его нелегкая; а дѣло къ развязкѣ приходило (*отходитъ въ глубину сцены и разговариваетъ съ Строевымъ, такъ что зрители видятъ ихъ обоихъ*).

СТРОЕВА.

Извините, князь, мнѣ необходимо было переговорить съ Крестниковымъ; теперь я къ вашимъ услугамъ.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Ужъ насъ угостила кофеемъ Марья Петровна, и какимъ отличнымъ, съ сдобными булочками. Это домашнія?

СТРОЕВА.

Да.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

У меня поваръ-кондитеръ, но такихъ не печетъ; пришлю его къ вамъ поучиться.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА (тихо Строевой).

Говорили съ папа?

СТРОЕВА.

Да, въ то время, какъ Крестниковъ подарки разбиралъ.

ИВАНЪ ФАДДѢЕВИЧЪ (Строевой).

Что же?

СТРОЕВА.

Да успокойтесь, согласится: только все-таки лучше немного подождать.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Добрая Ольга Васильевна!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, ГУБАРЕВЪ, ИЛЬЮША и потомъ МАТРЕНА, РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ, РОЗАНОВА, СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и МИША.

ГУБАРЕВЪ (входитъ, обнявшись съ Ильюшей и пошатываясь; въ рукѣ держитъ бумагу и машетъ ею на всѣ стороны).

Что, братъ, Ильюша, лихо накаталъ?.. (*входитъ Сергѣй Александровичъ*).

ИЛЬЮША.

Первый сортъ...

ГУБАРЕВЪ.

Ну... другъ... поцѣлуемся... (*другъ друга берутъ за головы и продолжительно цѣлуются*). Упечемъ... Упечемъ... въ таръ-тарары!.. (*стучитъ ногой объ полъ, спотыкается и чуть не падаетъ*). А съ Лизкой-то ты братъ того... (*прищелкиваетъ языкомъ и пальцами*) поцѣлуемся... (*опять обнимаются и продолжительно цѣлуются*). А что... пойдемъ, выпьемъ еще...

ИЛЬЮША.

Ходитъ!

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Да это Василій, сынъ камердинера покойнаго моего дяди. Сергѣй, помнишь его? такой былъ красивый мальчикъ, общій любимецъ и баловень.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Помню, папа, еще тетушка все конфектами его кормила.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ

Хорошъ, хорошъ....

КРЕСТНИКОВЪ (возвращаясь на авансцену).

Да, красивъ мальчикъ...

ГУБАРЕВЪ.

Молодецъ, Ильюша! люблю.... (*размахивая руками, подергиваетъ плечами и стучитъ каблукомъ объ полъ*).

Шыринъ, выринъ, Ростофоръ
Форъ-форъ!
Еръ-цы! разъ таки разъ,
Радости, веселости моя!!...

(*идутъ и сталкиваются съ Матреной*).

МАТРЕНА (пьяная, подъ глазомъ синякъ, коса выбилась изъ-подъ головнаго платка; шейный платокъ свалился съ плеча; останавливая Губарева).

Нѣтъ, ты постой-ка, аспидъ ты эдакой!... ты скажи, гдѣ та-

кой законъ есть... чтобы въ рыло бить.... я солдатка... а ты что... мужикъ, да въ рыло.

ГУБАРЕВЪ.

Отстань.... (*отталкиваетъ ее и хочетъ уйдти, но та не пускаетъ его*).

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ (на крыльцѣ).

Что это за шумъ? (*идетъ на сцену, за нимъ Розанова*).

ИЛЬЮША (Матренѣ).

Проваливай!

МАТРЕНА (Ильюшѣ).

Ты меня подчивалъ.... ты и бей... слова не скажу... а онъ что.... (*указывая на Губарева*) шарамыжникъ!.. на чужія деньги.... да въ рыло.... нѣтъ, шалишь... я солдатка...

СТРОЕВА.

Матрена!

МАТРЕНА.

Ольга Васильевна... матушка..... родная моя.... прости... я пьяна..... пьяна.... (*плачетъ*) а мои птенцы голоднехоньки.....

СТРОЕВА (Калантаеву-отцу).

У ней четверо дѣтей, бѣдность страшная, а она каждый день, какъ видите... Каково положеніе дѣтей!

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ (сочувственно).

Да, представляю себѣ....

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ (Губареву, Ильюшѣ и Матренѣ).

Что вы тутъ кричите?

ГУБАРЕВЪ (Ильюшѣ).

Голова....

ИЛЬЮША.

А намъ что?

МАТРЕНА.

Фаддѣй Демьяновичъ.... разсуди... я солдатка... а онъ мумужикъ, да въ рыло.... (*указывая на Губарева*).

ГУБАРЕВЪ.

Молчи! (*замахивается на нее*).

МАТРЕНА (вырвавъ у него бумагу).

А!... аспидъ!.. (*Губаревъ и Ильюша бросаются на Матрену, чтобы отнять у ней бумагу, но та успѣваетъ передать ее Репяхову-отцу*). Читай, Фаддѣй Демьяновичъ, читай... (*Губареву*) Что взялъ, кровопивецъ?...

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ

Ступай, Матрена, домой, а-то я въ чижовку посажу.

МАТРЕНА.

Я пойду... чтожъ, пойду, (*плачетъ*) у меня птенцы пищи просятъ.... (*уходитъ, бормоча*). А онъ не смѣй.... я солдатка.... а онъ что,—мужикъ, да въ рыло...

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ.

Посмотримъ, какая еще кляуза. (*Губаревъ и Ильюша норовятъ уйдти; возвышая голосъ*). Стойте! (*тѣ останавливаются, читаетъ*).

Господину, Его Превосходительству, N гражданскому губернатору.

Доношеніе.

Пишемъ мы, Вашему Превосходительству, секретнымъ сіе доношеніе, не обозначая нашихъ имянъ по той силѣ, что боимся тяжкаго преслѣдованія со стороны волостнаго головы, который состоитъ въ родствѣ, а именно, доводится отцомъ того подозрительнаго лица, о коемъ мы осмѣливаемся сдѣлать почтительное заявленіе Вашему Превосходительству. Этотъ самый Иванъ Фаддѣевъ, фамиліей Репяховъ, надсматриваетъ на заводахъ его сіятельства Александра Сергѣевича князя Калантаева, гдѣ и имѣетъ мѣсто свое жительство. Обучившись разнымъ наукамъ, онъ злетворною заразою развращаетъ неопытныя сердца и состоя въ преступной связи съ крестьянской дѣвицей Лизаветой Антипьевной Митюхиной»...

ИВАНЪ ФАДДѢЕВИЧЪ.

Негодяй!

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ (оглядывается).

Хорошо, что Митюхина нѣтъ, а то онъ убилъ бы этого

мерзавца на мѣстѣ (*продолжаетъ читать*) «читаетъ ей зловредныя книги»....

СТРОЕВА (Ивану Фаддѣевичу).

Это «Родное-то Слово» Ушинскаго?

ИВАНЪ ФАДДѢЕВИЧЪ.

Да.

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ (Губареву).

Ну, погоди-жъ ты, мошенникъ! (*продолжаетъ*) «научаетъ неповиновенію власти родительской и разсѣваетъ сей нигилистъ»...

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Перестаньте, Фаддѣй Демьяновичъ, надоѣло слушать эту мерзость.

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ.

Цѣлый листъ исписанъ (*свертываетъ бумагу*). Постойте-жъ, голубчики, я васъ къ мировому; онъ васъ разсудитъ.

ГУБАРЕВЪ (Ильюшѣ)

Не выгорѣло, Ильюша; надо утекать отселева..... чтобъ слѣда не нашли... подальше.... гдѣ люди еще въ простотѣ живутъ: тамъ сподручнѣе въ мутной водѣ рыбу ловить.

ИЛЬЮША.

Здѣсь намъ не рука.

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ.

Ну что вы стоите, окаянные? проваливайте съ глазъ долой (*Губаревъ и Ильюша уходятъ*).

СТРОЕВА.

Фаддѣй Демьяновичъ, можно мнѣ взять доносъ? (*Репяховъ-отецъ передаетъ ей бумагу*). Иванъ Фаддѣевичъ, доносъ написанъ на васъ, слѣдовательно въ вашей волѣ сдѣлать съ нимъ что вы хотите; я васъ прошу передать мнѣ это право.

ИВАНЪ ФАДДѢЕВИЧЪ.

Сдѣлайте одолженіе (*Строева разрываетъ доносъ*).

КРЕСТНИКОВЪ.

Вотъ это молодцемъ.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

Прекрасно сдѣлали, Ольга Васильевна.

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ.

Ну, напрасно, проучить бы слѣдовало этихъ негодяевъ.

СТРОЕВА.

Къ нимъ, Фаддѣй Демьяновичъ, нельзя относиться слишкомъ строго; надобно сожалѣть, что въ средѣ общества могутъ являться подобныя испорченныя натуры (*обращаясь къ Калантаеву-отцу*). Вотъ результатъ одной грамоты безъ необходимыхъ въ жизни знаній и безъ религіознаго и нравственнаго воспитанія. А сколько такихъ Губаревыхъ и Ильюшъ можетъ выйдти изъ тѣхъ дѣтей, которымъ некуда преклонить головы. Если крестьянскія дѣти, живущія въ родныхъ семьяхъ, часто видятъ передъ собой безобразные примѣры и нерѣдко переносятъ побои, то какова же жизнь тѣхъ бѣдняковъ сиротъ, которые Христа ради ѣдятъ кусокъ хлѣба въ чужомъ домѣ? Неужели же мы не обязаны позаботиться о нихъ, неужели мы такъ безсильны, что не можемъ пріютить, спасти ихъ и воспитать изъ нихъ полезныхъ работниковъ? Вотъ тѣ причины, князь, которыя заставляютъ меня такъ стоять за открытіе земледѣльческой колоніи.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ (подумавъ).

Да, мы должны это сдѣлать; но вѣдь на это нужна сумма приличная.

СТРОЕВА.

Конечно, надобно устроить дѣло прочно.

КРЕСТНИКОВЪ.

Какъ говорится, гвоздемъ пришибить, чтобы послѣ не насмѣшить людей (*вбѣгаетъ Миша*).

МИША (очень выросъ, выглядитъ здоровымъ мальчикомъ, въ сѣромъ кафтанчикѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ, въ высокихъ сапогахъ).

Мама, здравствуй (*цѣлуетъ Строеву*). Зачѣмъ ты за мной прислала?

СТРОЕВА.

И не думала, мой другъ, посылать.

РОЗАНОВА.

Это я, Ольга, за нимъ посылала (*Миша перебѣгаетъ къ ней*).

ИВАНЪ ФАДДѢЕВИЧЪ (отцу).

Батюшка, по смѣтѣ кажется выходитъ тысячь тридцать?

РЕПЯХОВЪ-ОТЕЦЪ.

Да, около того.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ (Строевой).

Вотъ видите, какая большая цифра.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Папа, да развѣ это ужъ очень много?

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Я знаю, папа устроитъ это дѣло; когда больницу задумали открыть, тоже затруднялись, да вотъ открыли же.

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ (подумавъ).

Ну, положимъ, тысячь десять дамъ...

СТРОЕВА.

Князь!.. (*жметъ крѣпко ему руку*).

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Милый, добрый папа! (*обнимаетъ отца*). Какой ты хорошій...

КАЛАНТАЕВЪ-ОТЕЦЪ.

А все-таки дѣло не кончено: вѣдь на десять тысячь развѣ только землю купишь, да фундаментъ выведешь; а самое зданіе, а земледѣльческія орудія, а покупка скота, учебная часть, раз-

ныя хозяйственныя постройки, да то, да другое; нѣтъ, нѣтъ, невозможно такъ скоро: придется отложить года на два.

СТРОЕВА.

На два года?

КРЕСТНИКОВЪ (просто).

Да нельзя ли и мнѣ внести свою лепту: тысячь пятнадцать могу (*всѣ вскрикиваютъ, обрадовавшись*: «*Крестниковъ!*»).

СТРОЕВА

Гдѣ вы денегъ берете, Крестниковъ? Не знакомы ли съ какою-нибудь волшебницей?

КРЕСТНИКОВЪ (улыбаясь).

Въ этомъ неповиненъ, присягу дамъ; а вотъ одного колдуна знаю,—большой мой благопріятель; у него и таскаю изъ кармана.

СТРОЕВА (раздумывая и потомъ обрадовавшись).

Если я не обманываюсь?... (*пристально смотритъ на Крестникова, тотъ тоже глядитъ на нее*). Неужели догадалась?...

КРЕСТНИКОВЪ (громогласно).

Строевъ, шествуй, а я маршъ буду играть.

ЯВЛЕНІЕ XVII и послѣднее.

ТѢ ЖЕ и СТРОЕВЪ.

СТРОЕВЪ.

Ольга! Миша!

СТРОЕВА

Поль! (*бросается въ объятія мужа.*)

МИША.

Папка! (*обнимаетъ отца. Крестниковъ при входѣ Строева напѣваетъ маршъ, сначала громко, потомъ все тише и тише; голосъ начинаетъ дрожать, онъ умолкаетъ, на глазахъ показываются слезы*).

РОЗАНОВА (Крестникову.)

И вы плачете?

КРЕСТНИКОВЪ.

Нѣтъ, это я гримасы дѣлаю.... привычка... Отойдите...

РОЗАНОВА.

Не отойду и протяну вамъ руку...

КРЕСТНИКОВЪ (удивившись и обрадовавшись).

Такъ и вы тоже! (*беретъ ея руку и держитъ въ своихъ рукахъ*).

РОЗАНОВА.

А вы и не замѣчали?...

КРЕСТНИКОВЪ (простодушно).

Не замѣчалъ—по глупости; *вотъ такъ кротъ*..

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ.

Дозволено Цензурою. 28 Октября 1873 г.

LIBRARY OF CONGRESS
00025324018